05(57)
С34

Годъ 1. Сентябрь 1912 г. № 11-й.

Сибирскій Архивъ.

Журналъ археологіи,
исторіи и этнографіи
Сибири.

ИРКУТСКЪ.
Ирк. Эл.-тип. Т-ва «М. П. Окуневъ и К°».
1912.

05(57)
С34

Годъ 1. Сентябрь 1912 г. №11-й.

Сибирскій Архивъ.

Журналъ археологіи, исторіи и этнографіи Сибири.

ИРКУТСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИРКУТСКЪ.
Эл.-тип. Т-ва «М. П. Окуневъ и К°».
1912.

№ 26539

Редакторъ-издатель *А. Лижьковъ.*

Оглавленіе №-ра 11.

Стр аш.

1. Дневникъ Н. И. Витковскаго . . . . . 825.

2. Изъ жизни томскаго коммерческаго училища . 838.

3. **А. Савельевъ.** Изъ жизни сибирскаго духовенства въ первую половину XIX вѣка . . . . 849.

4. **М. Овчинниковъ.** На моей памяти . . . . . 855.

5. Донесеніе Іер. Сергія . . . . . 879.

6. **Н. Мокѣевъ** Иркутскій Хлестаковъ . . . . . 886.

7. **М. Овчинниковъ.** Старинная свадьба въ с. Рыбинскомъ . . . . . 888.

8 Замѣтки . . . . . 898.

ДНЕВНИКЪ Н. И. ВИТКОВСКАГО, ВЕДЕННЫЙ ИМЪ ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ ПО Р. АНГАРѢ ВЪ 1882 ГОДУ ДО УСТЬЯ Р. ТАСѢЕВОЙ.

29 іюня. Вторникъ.

Малолѣтняя, 42 вер. У Гмелина 2. 187. Бутылка водки 30 коп.

Изъ *Распутиной* въ 7 часовъ утра. 750+22. Деревня эта расположена на расширившейся прибрежной полосѣ; по обѣ стороны видны три округленныя возвышенности, совершенно соотвѣтствующія другъ другу; кажется, что эти остатки бывшихъ цѣпей, прерванныхъ Ангарою.

Распутинцы жалуются: „прежде наша яндинская дача по Ярму-рѣчкѣ была, а потомъ, значитъ, тѣ Братско-волостные прошеніе подали и отрѣзали по Каменной островъ,—отрѣзали что ни есть лучшіе покосы, трава тамъ по гашникъ живетъ“. „Тутъ однова былъ землемѣръ, просилъ только 300 рублей. Я,—говоритъ,—вамъ отведу по Ярму; ну, такъ почему то не согласились, не дали, а теперь имъ же, братскимъ, платимъ по 1 рублю за десятину, покупамъ у нихъ, а у насъ покосы такіе—10 копенъ на десятину старимъ“.

„Проса не пробовали сѣять, даже что есть не видѣли его, а вотъ колбу кое-кто начиналъ, родится ладно“.

Деревня *Кузьмина,* а по выговору здѣшнихъ крестьянъ Пушмина, не велика; тутъ Ангара слилась въ одно плесо; правый берегъ понижается, лѣвый тоже не очень высокъ; вдали виднѣется сопка. Склоны поросли ельникомъ, лиственицей, сосной и березой.

На 5 верстѣ на лѣвомъ берегу утесъ. Пласты падаютъ. NE, образцы породы взяты. Анер. 749,5+24. Растительность таежная: Aconitum, Thalictrum, Sambucus, Cortusa, Dryopteris, Rubus ideae, Delphinium, Pyrola uniflora и проч.

Чемерицу зовутъ кукольникомъ, „для скота трава шибко недобрая“. Змѣй, говорятъ, множество; отъ укушенія есть

заговоръ и трава, „она какъ-то на пырей смахивать“. Заговоръ нельзя сообщать никому старше себя, моложе—можно.

Лѣвый берегъ до самой воды поросъ густымъ лѣсомъ.

Съ 10 часовъ опять полилъ дождь.

„Микулай—жалѣзо парень, шибко крѣпокъ на вино“.

„Ну нигдѣ не бывалъ еще, молодъ, батъ, посля и проще сдѣлатся“.

Въ говорѣ замѣтна уже замѣна звука *с* звукомъ *ш*, *к*—*п* и наоборотъ, но постоянства нѣтъ, кажется, говорящій не увѣренъ еще, что произноситъ извѣстный звукъ правильно, колеблется, одно и тоже слово *произноситъ* различно, то „скажу“, то „шкажу“. Это граница двухъ говоровъ.

На правомъ берегу видна деревня Подволочная, упоминаемая у Гмелина (2.186), откуда идетъ дорога на Илимскъ; здѣсь правый берегъ значительно выше лѣваго, очень низкаго. Прибрежье кочковатое. Протекаетъ рѣчка Баяндай, на которой расположено до десятка мельницъ, за которыя волость взимаетъ съ жителей по 10 к. съ каждой въ годъ; *раньше по* 3 р. платили. „Мельницы такія мутовочки, принесешь это хлѣба пуда два, полтора, на другой день придешь, муку возьмешь, а инова въ добрую воду и мѣшокъ смелешь.“

Отсюда лѣвый берегъ представляетъ правильную террасу, постепенно понижающуюся; на ней расположена дер. Денисова, упомянутая у Гмелина; разстояніе отъ Яндовъ показано „ohngefähr 80 Werst“.

Въ дер. Денисовой стоятъ предъ домами 3 солидныхъ кедра съ шишками. Сегодня здѣсь праздникъ, но „винишко у рѣдкаго есть, сходишь къ сосѣдямъ только пивца попить“. „Шонче (солнце) проглядыватъ. Много-же дождя шеня было“. Замѣна *м* на *в*.

Если кто самъ разчиститъ сѣнокосное мѣсто, то таковое *передѣлу никогда не подлежитъ.*

Ширина террасы у Денисовой не превышаетъ версты; лѣвый берегъ вообще здѣсь низкій; но пологимъ его склонамъ, среди лѣса, размѣстились пашни. На Ангарѣ острововъ нѣтъ. Слѣва впадаетъ ручей Черемуховый, слѣва—р. Тончара. На правомъ берегу узкая прибрежная полоса служитъ покосомъ, которыхъ здѣсь вообще очень мало. На этомъ-же берегу замѣтны двѣ террасы—одна сажени въ 3, а другая 2.

Экономическими землями называются здѣсь выморочныя земли. Если въ общество поступаютъ выморочныя земли, то

вызываются охотники взять на себя тягло умершаго за причитающіяся за нимъ души и такому охотнику передается по документу его земля на 40 лѣтъ, по истеченіи которыхъ земля дѣлается собственностью общества и подлежитъ передѣлу.

Если приходитъ поселенецъ и желаетъ заняться земледѣліемъ, то общество арендуетъ у своихъ-же зажиточныхъ односельчанъ десятину земли и передаетъ ее поселенцу, обязавъ его платить извѣстную, меньше крестьянской, подать; землей этой поселенецъ имѣетъ право пользоваться 3 года и долженъ въ это время разработать свою, ибо по истеченіи этого срока земля отъ него отбирается и передается ея владѣльцу. По разсказамъ, очень рѣдкій поселенецъ берется за хозяйство. „Не сродно имъ здѣсь, придетъ, въ одномъ домѣ переночуетъ, идетъ въ другой, потомъ въ третій, а когда обойдетъ всѣ, убирается куда-нибудь“.

„Паромомъ“ называется здѣсь небольшой досчаникъ съ плоскимъ дномъ и тупо-усѣченной кормой; служитъ эта “посудина“ для перевозки лошадей на острова, ”безъ парома плохо плавить, инова подшучиватъ, тонутъ; раньше паромовъ этихъ не знали, а теперь, почитай, всякъ на нихъ“.

Неподалеку отъ Каменныхъ острововъ впадаетъ въ Ангару слѣва р. Тунгузка, по преданію, здѣсь раньше жили тунгусы: „нахаживали залѣзные ножицки и кибирь“. Каменные о—ва упомянуты у Гмелина В. З. 78. О надписяхъ на нихъ онъ не говоритъ.

Первый Каменный островъ начинается довольно широкимъ лугомъ, на которомъ встрѣчаются озерки и кочки, а затѣмъ посрединѣ его (по бокамъ тоже луговыя пространства) потянулась высокая стѣна изъ сѣраго песчаника, ясно-слоистаго; слои почти горизонтальны и представляютъ не мало разнообразія въ строеніи: то конгломератъ, то крѣпкій съ трудомъ разбиваемый слой, то свѣтлый, рыхлый, легко растираемый въ рукахъ, то глинистыя конкреціи съ сферическою отдѣльностью, то песчано-глинистый сланецъ. Вслѣдствіе такого разнообразія строенія, и степень разрушенія различна: то крѣпкій темноватый слой виситъ грандіознымъ карнизомъ, образуя значительный свѣсъ, то рыхлый свѣтло-сѣрый высыпался и образовалъ глубокія впадины, то илистый принялъ странный видъ мягкаго ила послѣ сильнаго дождя. Кругомъ много обваловъ и осыпей, поросшихъ густой травой и кустарникомъ. Растительность пышная, всѣ растенія которыя на лугу не превосходятъ ¼ арш., здѣсь выше аршина. На висячихъ карнизахъ мно-

го гнѣздъ бѣлыхъ чаекъ, а подъ ними безчисленное множество гнѣздъ ласточекъ. Образцы породъ взяты.

Пещеръ нигдѣ не оказалось. Этотъ островъ имѣетъ въ длину около 5 верстъ; нижняя часть его покрыта густымъ сосновымъ лѣсомъ и постепенно понижается.

На правомъ берегу виднѣется дер. Егоровская—послѣдняя Яндинской волости и Балаганскаго округа. При ней плохое обнаженіе того-же сѣраго песчаника. Здѣсь встрѣтился карбазъ, плывшій изъ Братска въ Усть-Уду; такъ какъ тотъ, на которомъ я приплылъ принадлежалъ частному лицу, то сопровождавшій меня кандидатъ рѣшулъ перемѣнить его на волостной. Анер. 752,5+24.

Правый берегъ выдвигается опять низменнымъ мысомъ, за которымъ виднѣется возвышенность; склоны покрыты мелкимъ соснякомъ и лиственицею. На луговыхъ частяхъ острововъ—береза.

Разговоръ моихъ пяти ямщиковъ трудно понять; каждый изъ нихъ на свой ладъ замѣняетъ одинъ звукъ другимъ и безъ всякой послѣдовательности. „Ешли жашѣдатель поѣдетъ, мы повстрѣцаемся съ нимъ.—Коли не жалямается въ Громахъ, такъ вѣрно повстрѣцамся.—Я ницаво не жнаю.—Ишь, на соснѣ каки шишецки“.

Съ праваго берега при концѣ 1-го Каменнаго острова видѣнъ уже 2-й Каменный островъ и показался лѣвый невысокій берегъ. Впадаетъ ручей Каменный.

2-й Каменный островъ начинается тоже лугомъ, но лугъ этотъ значительно уже, а затѣмъ начинается отвѣсная стѣна сѣраго песчаника, саженъ въ 10—15 вышиною и длиною болѣе ½ версты; массивъ этотъ напоминаетъ громадный домъ съ покатою на обѣ стороны, слегка округленною крышею, поверхность которой покрыта сосновымъ лѣсомъ. На западной и юго-западной сторонѣ этого утеса находится много, плохо сохранившихся изображеній—„выбыгали, чтоли“. Между фигурами можно отличить: медвѣдя, лошадь, оленя, рыбу или нерпу и только на одной упавшей уже плитѣ есть изображеніе какъ-бы человѣкъ съ длинными ушами, пляшущаго предъ какой-то четырехугольной фигурой. Нѣкоторые изъ фигуръ обозначены сплошной неглубокой выемкой, у другихъ контуры обозначены узенькой бороздкой; группы изображены какъ-бы восходящими на гору.

На вершинѣ 3 Камен. о-ва, покрытой толстыми березами и соснами, Анер. 751,0+25, у воды 752,0+27. Изголовье подмыто и образуетъ обширный навѣсъ, который въ настоящее время служитъ убѣжищемъ для сѣнокосцевъ, а когда-то, вѣ-

роятно, былъ жилищемъ тѣхъ обитателей, которые оставили свои изображенія на 2 о—вѣ. Есть подобный-же, нѣсколько меньшій, навѣсъ и на 2 о—вѣ, служащій теперь отхожимъ мѣстомъ. Очень быть можетъ, что подъ этими навѣсами можно-бы найти много интересныхъ остатковъ древности, но для этого нужно прибыть сюда спеціально. Такое-же посѣщеніе, какъ мое, позволяетъ только записать свое имя на утесѣ, рядомъ съ именами Аминова, Сиденснера и др.

На карнизахъ 3-го о—ва несмѣтное количество ласточьихъ гнѣздъ; у основанія утеса трава въ ростъ человѣка; множество Lilium spectab; утесъ изъ того же сѣраго песчаника.

Правый берегъ продолжаетъ быть низкимъ; по мнѣнію ямщиковъ, здѣсь хорошее мѣсто для поселенія и земля „добрая для хлѣба".

При изголовьи 3 острова въ Ангару впадаетъ рч. Ярма, „весною рыбу въ ней промышлямъ. заходить много".

Далѣе слѣдуетъ островъ Еловый, густо поросшій ельникомъ; противъ него справа впадаетъ рѣчка Карма.

Скоро оба берега являются низменными. На лѣвомъ тоже виднѣются пашни; впадаетъ р. Кочегара.

Отъ мошекъ „звонъ стоитъ", какъ подъ телеграфной проволокой.

Деревня Малолѣтняя, въ которую пришли вечеромъ, расположена на правомъ берегу рѣки Верхній Баянъ. Ночлегъ на карбазѣ.

Скотъ выгоняютъ на пастбище вечеромъ. Говорятъ: „мѣсто здѣсь спокойное. отъ звѣря милосливо. иногда только волкъ бѣгаетъ". Въ деревнѣ есть церковь, но попъ „наѣзной".

30 іюня.

Утромъ сильный туманъ. Отчалили въ 6 часовъ. Очень много острововъ, легко сбиться съ пути. Жители имѣютъ свой особый отпечатокъ: длинноносые, высокаго роста. борода и усы стриженые: одежда тоже нѣсколько иная: коротка до колѣнъ поддевка изъ самодѣльщины—основа конопляная, утокъ —2 нитки коноплянныхъ, а 3-я шерстяная черная, штаны холщевые, обутки самодѣльные. Въ говорѣ замѣна звука *ч* звукомъ *ц*, но безъ строгой послѣдовательности: „Заворацивай въ рѣцку, да прихвати бицевой".

Справа впадаетъ р. Ср. Баянъ, при которой помѣстилась дер. того-же имени. По склонамъ видны пашни. Кругомъ тайга дремучая, острова поросли ельникомъ. „Гусь да жу-

равли несутся здѣся", Жалуются на недостатокъ сѣнокосовъ и пастбищъ. „Мошка, комаръ да паутъ одолѣваютъ". Здѣсь въ каждой деревнѣ кожи выдѣлываютъ сами: „смажешь это ее" болтушкой изъ муки, потомъ посыплешь дубомъ изъ березы или ольхи, которая растетъ здѣсь и достигаетъ 3-вершков. толщины, или *лиственичнымъ*; полежитъ она въ *немъ день 15*: потомъ доспѣты у насъ мялки, мнешь это ее, тянешь, вымажешь дегтемъ и доспѣшь". „Шить обутки—портные ходятъ. Овчины тожъ не всякъ самъ умѣетъ дѣлать, больше нанимамъ, но дымятъ ихъ у насъ какъ-то плохо—мокра боятся".

Пашни на второй рядъ начинаютъ пахать здѣсь послѣ Петрова дни.

На островѣ Длинномъ собиралъ растенія, все растетъ здѣсь роскошно, размѣры баснословные. Чаще другихъ встрѣчаются: Vicia sp., 3 вида Delphinium, нѣсколько зонтичныхъ, злаковъ, крестоцвѣтныхъ, 2- в. осоки, ольха, рябина, ель, береза, осина, ивнякъ. Чаща непроходимая и то на горѣломъ мѣстѣ.

На лѣвомъ берегу тайга непроглядная, породы деревьевъ тѣ-же, что и на острову.

Горы вообще очень невысоки. Далѣе слѣдуетъ луговой островъ. Рѣка очень быстра, карбазъ мчится, какъ птица. На правомъ берегу деревушка изъ 4 домовъ—Нижній Баянъ при р. того-же имени.

Съ правой стороны впадаетъ рѣчка Малая Тунгуска, далѣе Большая Тунгуска, тутъ-же и о-въ Тунгусскій. Большая Тунгуска течетъ въ глубокой пади, густо поросшей ельникомъ и березой; она беретъ начало далеко, „таежная рѣчка"; по ней много „плашекъ и ямъ звѣриныхъ". „Въ одну кони упалъ заблудящій конь, хозяинъ 65 р. заплатилъ".

„Засѣдатель понишній не жнамъ, какъ ѣздитъ, а прежній, оборони Богъ, жагонялъ лошадей".

Слѣва ручей Тинный въ глубокой, но узкой пади, заросшей ельникомъ. „Какуетъ какушка", кричитъ удодъ.

По лѣвому берегу потянулся густой мрачный ельникъ. На всемъ протяженіи нѣтъ ни одного обнаженія. Направленіе NE

Анер. 751,5+27.

Деревня *Парилова* расположена на прав. берегу рѣки противъ о—ва Караульнаго; въ ней протекаетъ рч. Дымчера. Берегъ здѣсь невысокъ; на пологихъ склонахъ между соснякомъ видны лоскутки пашень. Деревня веселится, гуляетъ—пьютъ водку, ревутъ пѣсни. На пашняхъ почва красноватая. „Снесло у нихъ всю добрую землю",—замѣчаетъ

ямщикъ. Ребятишки косятъ по островамъ траву и плавятъ въ деревню для скота—мошка „не выпускатъ со двора". У деревни весь берегъ покрытъ стружками изъ осины. Такой толстый осинникъ добываютъ въ тайгѣ, верстахъ въ 20-ти. Въ рѣчушкѣ мокнутъ шкуры для выдѣлки. „Никакой рыбы добыть не можемъ, ни сѣтью, ни другимъ ловушкамъ". „Хлѣбцы по низу хорошо идутъ, какъ верхомъ Богъ скраситъ",—отвѣчаетъ каждый на вопросъ объ урожаѣ.

Въ 3 вер. далѣе дер. Федорова; за ней потянулись пашни почти до вершинъ склоновъ.

Рабочій въ сѣнокосъ стоитъ здѣсь на готовыхъ харчахъ 20 коп. въ день, или 5 р. въ мѣсяцъ, или поставь 100 копенъ за 6 р. на своихъ харчахъ.

„Осенью идемъ на промыселъ бѣлку добываемъ, плашечки настороживамъ опенкомъ и тоже сноровку надо имѣть, сушить осторожно да и настораживать. Курить табакъ при этомъ нельзя; руки надо вымыть, духъ шибко знать эта самая бѣлка. На соболя бѣличьимъ мясомъ сторожимъ; соболь только и живетъ на лѣвомъ берегу, на правомъ его нѣтъ; собакъ тоже бѣлкой кормимъ".

Близъ дер. Федоровой Ангара слилась въ одно плесо.

Veronica incana называется смолянкой; „инова пьемъ замѣсть чаю, только заморить надо". Sanguisorba offic.—козульникъ.

Правый берегъ очень высокъ: склоны покрыты мелкимъ сосняком, сгорѣвшимъ во многихъ мѣстахъ; кое-гдѣ виднѣются выступы сѣраго песчаника.

На лѣвомъ бер. дер. *Бальская* при р. Бали; за ней утесъ изъ сѣраго песчаника, сильно разрушеннаго; вездѣ осыпи, во многихъ мѣстахъ выпали бока и висящіе карнизы грозятъ обрушиться. У подошвы утеса Анер. 749,5+29. Вышина утеса около 15 саж.; за нимъ видна падь, идущая параллельно рѣкѣ. Слои песчаника почти горизонтальны. На правомъ берегу видны тоже небольшіе утесики. Деревня "правитъ Петровки".

Деревня Громы расположена по обѣ стороны рч. Громы, шириною не болѣе сажени, но довольно быстрой. На берегу кучи стружковъ, въ рѣкѣ купается множество ребятишекъ; народъ "нарядный", "гулятъ", слышны пѣсни. Церковь.

Въ виду деревни большой островъ, на которомъ устроено много разныхъ хлѣвушекъ, напоминающихъ юрты бурятъ; около нихъ собрался табунъ коровъ, лошадей, овецъ. Парни одѣты преимущественно въ бѣлыя ситцевыя рубахи, съ

воротомъ прямымъ; кушачекъ позументный, фуражку замѣняетъ сѣтка съ краснымъ или синимъ сѣточникомъ.

Оба берега понижаются; лѣвый по долинѣ рѣки на большомъ протяженіи почти низменный, поросъ елью, сосной и березой. Съ лѣвой стороны впадаетъ ручей Закипной.

На правомъ берегу видны двѣ деревушки Шумилихи, берегъ этотъ покрытъ здѣсь густымъ лѣсомъ.

Слѣва ручей Ванькинъ, по которому видны пашни и заимки. „Пашни у насъ сзади за утесомъ, тутъ камень быдто мысомъ вышелъ, а за нимъ логъ палъ, тамъ у насъ и елань; пашни-то ладны, да для скотины мѣста мало, сѣнокосовъ тожъ нѣтъ".

Вездѣ и всѣ спрашиваютъ, скоро-ли будетъ ревизія—это единственный общій вопросъ. „Хлѣба хороши, Кобылка была весною, но „вреды" мало сдѣлала".

Долина расширилась; по обѣ стороны рѣки—елани, но народившіяся, повидимому, не очень давно: вездѣ по нимъ торчатъ засохшія лиственницы. Почва буроватаго цвѣта, плодородная.

На правомъ берегу дер. Н. Суворова расположилась на краю обширной елани. На лѣвомъ—ручей Медвѣжій, поросшій ельникомъ.

Въ деревнѣ много пьяныхъ, ревутъ, дерутся. При смѣнѣ ямщиковъ много было споровъ и шуму; одинъ старикъ началъ было даже допрашивать, кто я такой и т. д. Дали 6 ямщиковъ, лодка пошла весело.

По окрестнымъ деревнямъ сѣютъ „озимую и яровую рожь, овешъ, ячмень, пшеницу, мало-мало грѣцухи; гороха не сѣютъ, какъ-то охоты нѣтъ, родится-то онъ хорошо, да не сѣемъ: озими годомъ родятся, нонѣ подопрѣли".—„Шѣновъ у насъ мало, всего одинъ оштровокъ; люди шемейные тѣ расчистили себѣ мѣшта, а одинокому плохо". „Въ старые годы богачи захватили себѣ по рѣчкамъ мѣста да и косятъ изъ рода въ родъ; пора-бы уже такіе покосы и дѣлить, мы хлопотали, да волостные все какъ-то, знашъ, большая рука много можетъ".

Здѣсь лѣсъ зовутъ не тайгой, а дубровой. Въ говорѣ не слышно бурятской интонаціи. У большинства ямщиковъ замѣчательно мало разстояніе между носомъ и ртомъ; усы и борода стригутся, оставляются только бакены.

Долина очень расширилась: Ангара разбилась на множество протокъ, омывающихъ многочисленные острова. На одномъ изъ острововъ расположена дер. Мока, имѣющая здѣсь свои пашни и сѣнокосы и особый островъ для выгона.

„Имъ тамъ шибко привольно жить". Большинство острововъ поросло мрачнымъ пирамидальнымъ ельникомъ.

„Лѣшу то у насъ много, мошки тожъ, жимой морожъ". „Давай прямо на мышъ, куда дерзишъ"!

Мрачный островъ Наратай тянется веретъ на 10. Вправо показываются елани Б.-Намырскихъ крестьянъ, расположенныя на очень пологомъ склонѣ; тутъ-же по берегу протянулась и деревня: терраса обнаруживаетъ желтоватый напосъ, весь край ея изрѣзанъ маленькими овражками, расположенными такъ правильно, что невольно видишь въ этомъ дѣло рукъ человѣка.

Ночлегъ въ карбазѣ. У мѣстнаго писаря досталъ молока, довольно опрятно приготовленнаго—творогъ со сметаной. Человѣкъ онъ еще не старый, питерецъ, но окончательно потерялъ вѣру въ возможность какой-либо иной жизни—забота о насущномъ кускѣ хлѣба и только.

По разсказамъ, года три тому назадъ здѣсь было очень много рябчиковъ, теперь рѣдко встрѣтишь. Причина, говорятъ, бывшая въ 3-мъ году очень холодная малоснѣжная зима: тогда въ лѣсу находили много замерзшихъ рябчиковъ. Говорятъ также, что лѣтъ девять тому на правую сторону рѣки летѣло очень много „куропатки" и что крестьяне видѣли ее тогда въ первый и въ послѣдній разъ и били въ большомъ количествѣ; съ тѣхъ поръ никто не видалъ.

Въ деревнѣ ночью по поводу Петрова дня—его здѣсь празднуютъ нѣсколько дней—ругань, драка, какой-то поселенецъ пушитъ крестьянъ, похваляется, что онъ носилъ уже одинъ разъ кандалы и до гроба ихъ носить будетъ, „а тебѣ скотинѣ докажу, что я могу". Жители обвиняютъ старшину въ бездѣйствіи. Gmelin 2.187. Anamürskaja oder Podwoloschnaja. „Was ein Sibiriak glauben soll, dazu muss er ein Befehl haben, sonst glaubt er es nicht." 2.188.

1-го іюля. Дер. Б. Мамырская или Намырская расположена по обѣ стороны рѣки того-же имени, чрезъ которую брошенъ мостъ. Терраса состоитъ изъ блѣдно-краснаго напоса: края ея изрѣзаны небольшими овражками; отъ рѣки она отдѣлена узкой кочковатой полосой. Скоро за деревней обнаженіе прекращается и терраса прячется за шпалеру густого ельника: потянулись пашни со множествомъ засохшихъ лиственницъ. Вчера въ 8 часовъ вечера скотъ бѣжалъ рысью на пастбище, а сегодня, въ 6 ч. утра, рысью-же бѣжитъ домой спасаться у дымокура отъ мошки.

„Могри, братъ, тамъ что-то мырить"—рябитъ воду.

Анер. 751.5 21. При водѣ виденъ красный глинистый наносъ. Далѣе появляется снова обнаженная терраса и тянется до М. Мамыри, расположенной въ 6 верстахъ на томъ-же правомъ берегу. Весь берегъ возмутительно заваленъ навозомъ. За деревней снова потянулась терраса, но нѣсколько ниже и отдѣленная отъ рѣки довольно широкой низменностью.

Острова безъ лѣса. Мошки нѣтъ, но зато сильный низовикъ мѣшаетъ плыть. Далѣе террасу покрываетъ соснякъ и береза: виднѣются обнаженія краснаго песчаника. Чѣмъ дальше, тѣмъ окраска обнаженій становится интенсивнѣе. Слои песчаника съ очень слабымъ паденіемъ на NE. Между красными попадаются прослойки и сѣраго песчаника, а у воды много глыбъ чистаго сѣраго песчаника. Анер. 752.0+23. На верху террасы наносъ съ мелкой галькой, крупные голыши встрѣчаются рѣдко. Снова острова съ ельникомъ. У Гмелина: Keschemskaja D. welches eines des grössten Dörfer dieser gegenden isl. 2.188.

Рѣка Кежма прерываетъ террасу и течетъ въ красивыхъ берегахъ; на ней строится мостъ по устраиваемой дорогѣ. *Село Кежемское* расположено у основанія террасы, а частью и на ней. За селомъ пашни: хлѣба хороши. Самая деревня выглядитъ недурно. Влѣво, въ глубинѣ излучины, образуемой Ангарою, виднѣется массивъ горъ, доминирующій надъ всей окрестностью. Анер. 751,5+22.5.

Здѣсь я встрѣтилъ еврея-цѣловальника Таубера: сидитъ опечаленный, что не можетъ торговать за неполученіемъ патента: „продать водки нельзя, а такъ прошу выкушать". Груды бочекъ у кабака свидѣтельствуютъ, что и въ захолустьѣ людъ не прочь гульнуть. Ясно выражены двѣ террасы —верхняя красная, нижняя бѣлая. За деревней нижняя исчезаетъ подъ ельникомъ, а верхняя продолжается, покрытая соснякомъ; красныхъ обнаженій много. На островахъ появляется сосна, береза; ельникъ теряетъ свое господство.

О хлѣбахъ говорятъ впервые: „всякіе, есть добрые, есть и худые". „Ишь какой колышенъ на рѣкѣ". „Вошемъ вершитъ" отъ станка дер. Наратай. Терраса прерывается небольшой падью, на правомъ пологомъ берегу которой пашни. Почва всегда красноземная. *Осиновый* ручей названъ потому, что въ вершинѣ его (три дня ходу) добываютъ осину для стружковъ „бывать вершковъ 12 въ отрубѣ". Всюду замѣчаешь, что люди стараются завладѣть каждымъ пригоднымъ лоскуткомъ земли. Отсюда терраса теряетъ свой постоянный

характеръ: склоны округляются и дѣлаются значительно выше; далѣе терраса появится, затѣмъ исчезнетъ и т. д. Новая дорога проложена по красному песчанику. Рѣчка Суровцева: по долинѣ ея пашни съ засохшими лиственницами. Въ направленіи отъ устья Б. Суровцевой видна доминирующая сопка Распутинскій камень. Далѣе терраса возстановляется, много обнаженій краснаго песчаника. Близъ деревушки Распутиной,—9 домовъ, лежащей у подножья названной сопки, прибрежная полоса вытянулась длиннымъ мысомъ, на немъ пашни и покосы. На островахъ ельникъ встрѣчается еще, но очень рѣдко.

Налѣво на острову дер. Святыня. Острова покрыты тальникомъ: показывается высокій, давно не виданный лѣвый берегъ.

На островѣ Родіоновомъ растительность поразительно сходна съ иркутской: все растетъ роскошно, сочно, но разнообразія мало. Островъ этотъ состоитъ изъ сѣраго слюдистаго ила, а смежный съ нимъ Филипповскій изъ такого-же наноса, какой залегаетъ въ террасѣ М. Намырской: высота его приблизительно такая-же. Хочется думать, что островъ Филипповскій и Намырская терраса суть остатки одного и того-же дна, отложеннаго позже красныхъ пластовъ.

На острову дер. Филиппова со всѣми пашнями и сѣнокосами; на правомъ берегу деревушка Лучиха при р. того-же имени, прорѣзающей красную террасу. *Инг.* 753.0—23.5.

Въ дер. Лучихѣ живетъ голова Братской волости, сынъ поселенца старовѣра. Это молодой парень, не чуждый сознанія, что „Я-де голова". Сельская управа и ямщики находятся въ дер. Филипповой, которая выглядитъ очень хорошо; дома большіе, ветхихъ мало, вездѣ довольно чисто, по улицамъ прорыты канавки, покрытыя досками; очевидно, люди зажиточные. Голова снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ Карапчанскому головѣ и сообщилъ, что переходъ на р. Кобу и по ней въ Ангару вполнѣ возможенъ. — Петровъ праздникъ и здѣсь еще не окончился.

Путь идетъ далѣе вдоль праваго берега. Скоро показалась дер. Исакова, состоящая изъ 5 домовъ и расположенная на той-же красной террасѣ, которая была видна раньше. Слѣдующій затѣмъ островъ состоитъ изъ такого-же, что и Филипповскій, наноса. Снова показался ельникъ какъ на островахъ, такъ и на берегу.

Ямщики жалуются на свое житье-бытье: „Мѣсто у насъ утѣсненное, лѣсъ да вода; богатые совсѣмъ голытьбу забили". И дѣйствительно, трудно объяснить, какъ живетъ вся

эта голытьба! Она одна на своихъ плечахъ несетъ всю тяготу общественной жизни, а выгоды достаются другимъ. Кто побогаче, наровитъ попасть въ начальство—въ головы, старшины, что и даетъ имъ сугубую возможность ко всякому обирательству голытьбы. Богатаго почти никогда не встрѣтишь на ямщинѣ или на дорогѣ, за него работаетъ голь, закабаленная у него по шею.

Путь между островами; на правомъ берегу деревня Красный Яръ, а впереди гора „Монастырскій Камень". Ямщики очень несмѣло просятъ разрѣшенія отдохнуть и покурить табачку; очевидно, это не всѣми и не всегда имъ разрѣшается. Впрочемъ, чаще всего имъ приходится плавать съ начальствомъ, а таковое дремать въ пути не любитъ. По разсказамъ, хлѣба хороши, только на высокихъ еланяхъ, на низкихъ плоховаты: „было три пнея съ весны, прихватило". Сѣютъ рожь озимую и яровую, пшеницу, ячмень, овесъ, горохъ—рѣдко кто, да и то по-малости; табакъ садятъ очень мало, все больше привозный, цѣна на него 20 коп. фунтъ.

Терраса исчезла; потянулись обширныя елани красноярскія. Лѣвый берегъ приближается; на многочисленныхъ островахъ и на еланяхъ ельникъ.

На правомъ берегу дер. Монастырская, на мѣстѣ бывшаго когда-то монастыря. „Была когда-то въ старину церковь, монастырь, кельи были доспѣты, монахи жили". Теперь только маленькая деревушка у подножья огромной горы, составляющей мысъ при поворотѣ Ангары вправо.

Въ говорѣ ямщиковъ не слышно цоканья и шавканья.

Вязень Братскій острогъ. Лѣвый берегъ здѣсь понизился: далеко за склономъ виднѣются высокія горы: всѣ эти горы, кажется, были берегами одного обширнаго водоема. Съ правой стороны, за Монастырской, ближе къ мысу видна образцовая красная терраса.

Рѣка Ока впадаетъ слѣва нѣсколькими устьями: на берегахъ наносъ бѣлый.

Въ Братскомъ Анер. 752,0+27,5.

Село *Братское* вытянулось длинной вереницей домовъ по берегу, кажется, протоки, весьма грязной и вонючей, на берегъ которой сваливаются всѣ нечистоты; несмотря на это, селеніе выглядитъ городкомъ.

Собранныя растенія сохнутъ въ лодкѣ очень плохо, пришлось возиться съ ними весь вечеръ.

Приходилъ проводникъ по порогамъ „вожь", нѣкто А. Карповъ въ состояніи полной невмѣняемости. Трудно было

добиться отъ него чего-нибудь толковаго. Разрушилъ только мою надѣжду пройти на Ангару по Ковѣ или Мурѣ. О возможности очистить пороги говорятъ „что здѣшніе дураки не понимаютъ, какая польза будетъ намъ отъ этого". Другіе-же утверждаютъ, что и вѣрѣ православной будетъ конецъ, если пороги прорвутъ, полагаютъ, что это невозможно, ибо, кто-же можетъ быть больше Бога.—

Гмелинъ (3.78—9. 1738 Aug. 10) говоритъ: „Es murden hier aúf fünfzig Bratski und Tungusen, wegen eines Aufruhrs den sie wider den Riesigen ostrog und die Dörfe un der Angar geschmiedet hatten, in Verwahrung gehalten.—Was sie eigentflich vorgehabt haben, konnte ich nicht in Erfahrung bringen. Man redete ganz in der Stille davon. Hin und wieders soll man mehr Schiessgewehr und Schiesspalver bei ihnen gefunden haben, als innen gebühret. Man sagte, doss sie ihren Anschlug in drei verschiedenen Zeiten, als Petro-Pauli und Elios-Tag und den 1 Angust hätten ausführen wollen. Ein kleiner Bratskischen Knabe, der ohnlüngst detaúft worden, solles entdeckt und angegelen haben. Die zu dem Bratskiechen Ostrog gehörigen Bratski unb Tungusen sollen die Râdersführer sein und sich mit anderen Udinskischen Bratski und Jlimskischen Tungusen vereiniget haben."

2-го іюля. Весь день въ сел. Братскомъ. Былъ у мѣстной власти—засѣдателя г. Гостиловскаго: удостоенъ любезнаго пріема, снабженъ открытымъ предписаніемъ. Совѣтуетъ пороги объѣзжать верхомъ и плыть на почтовой лодкѣ. Г. Засѣдатель сильно тоскуетъ, что въ настоящее время, когда перестали „пороть" мужика, онъ сталъ гораздо хуже—дерзокъ, скрытенъ, лѣнивъ, упрямъ и т. д.

Сообщилъ *М. Овчинниковъ.*

Здѣсь кончается часть дневника Н. Н. Витковскаго, переписанная набѣло имъ лично. Очевидно, остальную часть дневника онъ не успѣлъ обработать и переписать. Черновикъ *всего* дневника у меня имѣется, но обработка его потребуетъ времени, тѣмъ болѣе, что размѣры его довольно значительны—около 20 листовъ мелкаго убористаго письма.

М. О.

ИЗЪ ЖИЗНИ ТОМСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО УЧИЛИЩА.

Съ января 1999 года въ томскомъ коммерческомъ училищѣ были введены такъ называемыя „Общеобразовательныя чтенія". Чтенія эти внесли замѣтное оживленіе въ школьную жизнь и сопровождались значительными результатами, о чемъ см. №4 „Сибирскаго Архива".

I.

Правила объ устройствѣ общеобразовательныхъ чтеній при Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ Цесаревича Алексія.

I. Цѣль чтеній.

§ 1. Общеобразовательныя чтенія имѣютъ въ виду чисто научную цѣль и развитіе въ учащихся эстетическаго вкуса. Они будутъ способствовать развитію самодѣятельности въ учащихся и дадутъ возможность развернуть свои силы въ той или другой области знанія, соприкасающейся съ проходимыми въ Коммерческомъ Училищѣ научными дисциплинами.

§ 2. Этой цѣли можно отчасти достигнуть: а) чтеніемъ научно-образовательныхъ рефератовъ и докладовъ съ дебатами по поводу ихъ содержанія; б) исполненіемъ музыкально-вокально-литературныхъ №№.

§ 3. Вопросы общественно-политическаго характера совершенно исключаются изъ круга чтеній.

II. Время и общая программа чтеній.

§ 4. Чтенія открываются съ января 1909 года и устраиваются еженедѣльно по субботамъ съ 7 часовъ вечера, кончаются приблизительно въ 10 ч. вечера.

§ 5. Въ случаѣ недостатка матеріала, чтенія могутъ быть черезъ недѣлю, черезъ двѣ, три и болѣе.

§. 6. Въ началѣ собранія читается докладъ или рефератъ. Затѣмъ долженъ быть 10-минутный перерывъ, послѣ чего идутъ дебаты по поводу прочитаннаго. Дальше опять 10-минутный перерывъ и, наконецъ, музыкально-вокально-литературный отдѣлъ.

III. Предсѣдатель.

§ 7. Для общаго руководства чтеніями избирается Педагогическимъ Комитетомъ предсѣдатель изъ лицъ администраціи и педагогическаго персонала.

§ 8. Предсѣдатель открываетъ и закрываетъ собраніе, наблюдаетъ за выполненіемъ настоящаго положенія чтеній; на немъ лежитъ отвѣтственность за порядокъ и дисциплину.

—Распоряженія Предсѣдателя не подлежать обсужденію на чтеніяхъ.

§ 9. Предсѣдатель же совмѣстно съ участвующими въ чтеніи лицами вырабатываетъ программу каждаго чтенія.

IV. Участники.

§ 10. Дѣйствительными участниками чтеній являются исключительно учащіеся трехъ старшихъ классовъ Томскаго Коммерческаго Училища, т. е. VI, VII и VIII кл.

§ 11. Они самостоятельно составляютъ доклады и рефераты и ведутъ дебаты по поводу прочитаннаго.

§ 12. Къ участію въ дебатахъ и въ музыкально-литературномъ отдѣлѣ могутъ быть допущены, съ согласія г. Предсѣдателя, учащіеся и младшихъ классовъ.

§ 13. На чтеніяхъ могутъ присутствовать гг. члены Попечительнаго Совѣта Педагогическаго Комитета и родители учащихся, какъ лица, близко-заинтересованныя въ жизни школы.

V. Составленіе рефератовъ и докладовъ.

§ 14. Темы для докладовъ и рефератовъ могутъ избираться самими учащимися. Но для облегченія ихъ гг. преподаватели, каждый по своей спеціальности, могутъ предложить съ своей стороны наиболѣе важныя и интересныя темы.

§ 15. Вообще составленіе рефератовъ и докладовъ находится подъ ближайшимъ руководствомъ гг. преподавателей-спеціалистовъ, при чемъ, конечно, самодѣятельность и самостоятельность учащихся должна быть возможно полнѣе соблюдена.

§ 16. Написанный рефератъ предварительно прочитывается преподавателемъ и только съ его одобренія допускается къ чтенію. Затѣмъ на чтеніяхъ этотъ преподаватель является руководителемъ въ научномъ отношеніи; напр., онъ разрѣшаетъ возникшія сомнѣнія и недоразумѣнія.

IV Дебаты.

§ 17. Дебаты могутъ вестись только лицами, детально ознакомившимися съ реферируемымъ вопросомъ. Въ видахъ ознакомленія учащихся съ содержаніемъ реферата, его главными положеніями, референтъ составляетъ возможно полный перечень тезисовъ своего чтенія. Тезисы вывѣшиваются на видномъ мѣстѣ въ училищѣ за недѣлю до чтенія реферата.

ИРКУТСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

§ 18. Желающіе участвовать въ дебатахъ сообщаютъ свои фамиліи Предсѣдателю до начала и послѣ прочтенія реферата. Запись ведется въ порядкѣ постепенности.

§ 19. Въ дебатахъ должна соблюдаться полнѣйшая корректность.

§ 20. Въ случаѣ некорректности дебанта Предсѣдатель дѣлаетъ ему замѣчаніе, которое можетъ быть повторено, а затѣмъ, дебантъ лишается слова, но только на время этого чтенія.

VII. Секретарь.

§ 21. На каждое чтеніе Предсѣдателемъ совмѣстно съ учащимися избирается секретарь, на обязанности котораго лежитъ составленіе протокола чтенія.

§ 22. Въ протоколѣ должна быть указана программа бывшаго чтенія и наиболѣе интересныя мысли, обсуждавшіяся на дебатахъ.

§ 23. Протоколъ долженъ быть составленъ не позднѣе, какъ черезъ пять дней послѣ чтенія; подъ протоколомъ подписывается Предсѣдатель и Секретарь.

§ 24. На слѣдующемъ чтеніи, въ началѣ, секретарь докладываетъ собранію протоколъ предыдущаго чтенія. Затѣмъ протоколъ сдается въ Архивъ Училища.

§ 25. По требованію обстоятельствъ, согласно съ указаніями опыта, настоящія правила въ цѣломъ и частяхъ могутъ быть измѣнены и дополнены Педагогическимъ Комитетомъ.

§ 26. Обсужденіе дѣятельности общеобразовательныхъ чтеній въ Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ, а равно обсужденіе дѣятельности Предсѣдателя, замѣна его новымъ и самое закрытіе общества принадлежитъ Педагогическому Комитету, по представленію администраціи Училища.

Предсѣдатель А. Линьковъ.

Секретарь А. Гранатъ.

10 января
1909 года.

II.

Темы для рефератовъ.

Исторія..

1. Историческіе законы.
2. Моисей и Гаммураби.
3. Гоненіе на науку въ средніе вѣка подъ вліяніемъ аскетическихъ взглядовъ времени.
4. Культурныя открытія и изобрѣтенія китайцевъ.
5. Папесса Іоаннъ VIII (855—857).

6. Макіавели и его политическая доктрина.
7. Религія и мораль въ іезуитской оправѣ.
8. Сводъ существующихъ въ исторической наукѣ мнѣній вопросу о происхожденіи названія Славянъ „Русскими".
9. Лжедимитрій I (Историческая загадка).
10. Таинственный старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ.

Естественная исторія.

1. Исторія ученія о клѣткѣ и современный взглядъ на различныя части ея.
2. Схема постепеннаго развитія растительнаго царства.
3. Явленія паразитизма въ животномъ царствѣ.
4. Способы распространенія животныхъ.
5. Современный взглядъ на планктоны и методы изслѣдованія ихъ.
6. Жизнь морскихъ глубинъ.

Русскій языкъ.

1. Умственныя теченія въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.
2. Русская литературная критика въ первой половинѣ XIX вѣка.
3. Сентиментализмъ и романтизмъ въ Западно-европейской литературѣ.
4. Первые опыты русскаго реальнаго романа.
5. Литературное вырожденіе въ русской литературѣ.
6. Историческій обзоръ развитія русской критической литературы.
7. Развитіе національныхъ элементовъ и реалистическаго направленія въ русской литературѣ.
8. Связь Обломова съ предшествующими литературными типами.
9. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы.
10. Личность Дмитрія Самозванца въ произведеніяхъ русской литературы.
11. Отношеніе боярства къ земщинѣ по комедіи Островскаго „Воевода, или сонъ на Волгѣ".
12. Русскій національный характеръ (по произведеніямъ Л. Толстого).
13. Историческіе взгляды Л. Толстого.
14. Обрядовая сторона русской свадьбы.
15. Значеніе обрядовъ съ миѳической точки зрѣнія.
16. То-же съ историко-культурной точки зрѣнія.
17. Древне-русская жизнь по литературнымъ произведеніямъ того времени.

18. Декадентство въ русской литературѣ.

Физика, химія и космографія.

1. Расширеніе нашихъ чувствъ.
2. Прохожденіе электричества черезъ газы.
3. Атомы и эоиръ.
4. Теорія электролиза.
5. Теорія растворовъ.
6. Астрофизика.
7. Высокія и низкія температуры.
8. Основанія кинетической теоріи газовъ.
9. Воздухоплаваніе.
10. Исторія электрическаго освѣщенія.
11. О цвѣтной фотографіи (историческій очеркъ).
12. Катодные лучи.
13. Полярное сіяніе.
14. Участіе организмовъ въ созданіи земной коры.
15. Изслѣдованіе полярныхъ странъ.
16. Радій и радіоактивность.
17. Звѣдное небо.
18. Движеніе луны и затмѣніе солнца и луны.
19. Мірозданіе по Ньютону.
20. Теорія растворовъ Вантъ-Гоффа.
21. Электролитическая диссоціація Аррениуса и ея значеніе для химіи.
22. Теорія равновѣсія и ея приложеніе въ химіи.
23. Дѣйствіе электрическаго тока на расплавленныя и растворенныя слои.
24. Теорія строеній химическихъ соединеній и ея значеніе въ химіи. Изомерія.
25. Химическія реакціи. Теорія катализа. Приложеніе катализа въ химіи.
26. Значеніе химіи для другихъ естественныхъ наукъ.
27. Гипотеза атомно-молекулярнаго строенія матеріи.
28. Различные виды топлива и ихъ утилизація.
29. Кристаллы.
30. О желѣзѣ.

Математика.

1. Способъ предѣловъ.

Законовѣдѣніе.

1. Организація современной семьи.
2. Что такое право собственности и въ чемъ его значеніе?
3. Договоръ и его значеніе въ современномъ гражданскомъ оборотѣ.
4. Купецъ.

III.

Къ свѣдѣнію.

Гг. участниковъ общеобразовательныхъ чтеній при I Сибирскомъ Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ Цесаревича Алексѣя.

17 января 1909 г. при нашемъ училищѣ состоится открытіе Общеобразовательныхъ Чтеній съ музыкально-вокально-литературнымъ отдѣломъ.

Ученикомъ VI клас. А. Бобровымъ будетъ предложенъ реферат на тему: „Гоненія на науку въ средніе вѣка подъ вліяніемъ аскетическихъ взглядовъ времени".

Основные вопросы реферата:

1. Арабы и наука.
2. Сохаластика въ средніе вѣка.
3. Аскетическій характеръ средневѣковой науки и его причины.
4. Гоненіе на науку въ Западной Европѣ въ лицѣ главныхъ ея представителей.
5. Отношеніе къ наукѣ въ Кіевской и Московской Руси.

Председатель общеобразовательныхъ чтеній А. Линьковъ.

Секретарь А. Гранатъ.

10 января
1909 года.

IV.

Программа

общеобразовательнаго чтенія, имѣющаго быть въ Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ Цесаревича Алексѣя 17 января 1909 года.

I отдѣленіе.

1. „Правила общеобразовательныхъ чтеній".

Прочт. Секретарь уч. VII кл. А. Гранатъ.

2. „Рѣчь" Предсѣдателя А. Линькова.

10-минутный перерывъ.

II. отдѣленіе.

3. Рефератъ: „Гоненія на науку въ средніе вѣка подъ вліяніемъ аскетическихъ взглядовъ времени". Основные вопросы реферата: 1) Арабы и наука: 2) Схоластика въ средніе вѣка; 3) Аскетическій характеръ средневѣковой науки и его причины: 4) Гоненіе на науку въ Западной Европѣ въ лицѣ главныхъ ея представителей: 5) Отношеніе къ наукѣ въ Кіевской и Московской Руси.

Прочт. уч. VI кл. А. Бобровъ.

10-минутный перерывъ.

III отдѣленіе.

4. Дебаты по поводу реферата А. Боброва.

10-минутный перерывъ.

IV отдѣленіе.

5. „Баркаролла“. Чайковскаго. Тріо. Исполнятъ:
Скрипка уч. VIII кл. Л. Клейманъ,
Віолончель уч. VIII кл. Н. Ельдештейнъ,
Рояль X X X.
6. „Галилей“. Стих. Кичеева.
Прочт. уч. VII кл. М. Прейсманъ.
7. „Колыбельная пѣсня“.
Исп. на віолончели Н. Ельдештейнъ.
8. „Проѣзжайте“. Стих. Богданова.
Прочт. уч. VI кл. Р. Линденбратенъ.
9. „Осенняя пѣснь“. Чайковскаго.
Исп. на скрипкѣ Л. Клейманъ.
10. „Мать“. Стих. Надсона.
Прочт. уч. VII кл. М. Левинъ.
11. „Ивушка“. Русская пѣсня.
Исп. хоръ балалаечниковъ подъ управленіемъ В. П Александрова.

Секретарь А. Гранатъ.

V.

Протоколъ

общеобразовательнаго чтенія 17 января 1909 года.

На чтеніи присутствовали:

1) Г. Директоръ Училища С. Г. Егоровъ съ супругой, Бѣлышевъ, Н. И Хваловскій, А. Н. Бартеневъ съ супругой, М. М. Щегловъ, А. Я. Брейтигамъ. Э. В. Баеръ, Г. М. Коленожниковъ, Л. М. Римеръ, Ф. И. Яковскій. П. О. Оедорченко съ супругой.

2) Изъ гг. родителей: Г-жи Боброва, Малышева, Плотникова. Звѣрева. Стрижева. Г-да: Предѣдатель Союза учителей и родителей Стрижевъ. Управляющій Палатой Госуд. Имуществъ В. Ф. Королевъ, Селивановъ.

По открытіи засѣданія, Секретарь уч. VII кл А. Гранатъ прочиталъ правила Общ. Чтеній. Затѣмъ Предѣдатель произнесъ рѣчь, въ которой указывалось на необходимость развитія въ учащихся самодѣятельности.

По программѣ послѣ рѣчи Предѣдателя положенъ былъ перерывъ въ 10 минутъ. но въ дѣйствительности этого перерыва не было въ виду того, что I отдѣленіе заняло очень мало времени. Сразу послѣ рѣчи Предѣдателя Уч. VI кл.

А. Бобровымъ былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Гоненія и т. д.“, (см. программу).

Послѣ 10-минутнаго перерыва начались дебаты, въ которыхъ принимали участіе: А. Гранатъ—уч. VII кл., Р. Линденбратенъ—уч. VI кл., А. Яшинъ—уч. VI кл., Б. Неретцъ—уч. VIII кл., М. Миллеръ—уч. VIII кл.

А. Гранатъ указалъ, что главной причиной гоненія на науку въ средніе вѣка были не аскетическіе взгляды духовенства, а желаніе держать народныя массы въ невѣжествѣ, дабы онѣ путемъ научнаго развитія не могли разоблачать ложной позиціи духовенства. Референтъ, признавая доминирующій причиной аскетизмъ, отчасти согласился съ оппонентомъ.

Р. Линденбратенъ указалъ, что гоненіе было не на всѣ науки, а лишь на нѣкоторыя: даже часть наукъ пользовалась покровительствомъ церкви. Референтъ согласился, что гоненіе было не на всѣ науки, а только на экспериментальныя.

А. Яшинъ указалъ, что самой главной цѣлью гоненій на науку былъ шкурный вопросъ и только отчасти развитіе аскетическихъ взглядовъ. Въ остальномъ Яшинъ былъ согласенъ съ возраженіемъ А. Граната. Референтъ снова настаивалъ на аскетизмѣ, какъ доминирующей причинѣ.

Б. Неретцъ заявилъ, что референтъ недостаточно полно освѣтилъ вопросъ о причинахъ быстраго развитія наукъ у арабовъ. Референтъ указалъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ прямого отношенія къ его темѣ.

Наконецъ М. Миллеръ указалъ, какъ на противорѣчіе референта, признавшаго высокимъ авторитетъ Корана у Арабовъ и въ то же время сообщавшаго фактъ уничтоженія Александрійской библіотеки, вопреки ученія Корана, запрещавшаго любовь къ наукѣ. Референтъ, признавая фактъ разрушенія библіотеки, указалъ, что въ данномъ случаѣ арабы не руководились ученіемъ Корана.

Послѣ новаго 10-минутнаго перерыва началось музыкально-вокально-литературное отдѣленіе, при чемъ были исполнены слѣдующіе №№ *(см. программу)*.

Предсѣдатель А. Линьковъ.
Секретарь А. Гранатъ.

24 января 1909 года.

VI.

Къ свѣдѣнію

гг. участниковъ общеобразовательныхъ чтеній при Т-ровомъ Сибирскомъ Коммерческомъ Училищѣ Цесаревича Алексѣя.

7 марта 1909 года, въ 7 часовъ вечера, состоится Собраніе гг. участниковъ общеобразовательныхъ чтеній. Ученикомъ VIII кл. Л. Клейманомъ будетъ предложенъ рефератъ на тему: „Жизнь и искусство".

Тезисы реферата.

1. Введеніе.

а) Стремленіе къ безсмертію, какъ двигатель человѣческаго творчества.

б) Искусство—зеркало жизни.

2. Жизнь и искусство:

в) Египта,

г) Востока (Арабы).

д) Греціи.

е) Рима.

з) Возникновеніе христіанства:

ж) Средніе вѣка. Могущество папства. мистицизмъ, паденіе папства и т. д.: Отраженіе этой жизни въ искусствѣ

з) Эпоха Возрожденія: слияніе христіанскаго искусства съ языческимъ.

и) Новое время. Жизнь и искусство отдѣльныхъ государствъ: Франція и Испанія.

4. Законы развитія искусства на основаніи историческаго обзора.

5. Заключеніе.

і) Музыка и декадентство.

Послѣ реферата —дебаты и литературно-музыкальн отдѣленіе по особой программѣ.

3 марта 1909 г.

Предсѣдатель А. Линьковъ.
Секретарь П. Ельдштейнъ.

VII.

Къ свѣдѣнію

гг. участниковъ общеобразовательныхъ чтеній.

Рефератъ Л. Клеймань: „Жизнь и искусство" переносится съ 7 на 14 марта, —въ виду задержки въ изготовленіи діапозитивовъ для иллюстраціи реферата.

5 марта 1909 г.

Секретарь П. Ельдштейнъ.

VIII.

Программа

общеобразовательнаго чтенія 14 марта 1909 года.

I отдѣленіе.

I. Протоколъ общеобразовательнаго чтенія 28 февраля 1909 года.

Прочт. Секретарь, уч. VIII кл. И. Ельдштейнъ.

II. Рефератъ уч. VIII кл. Л. Клеймана на тему: „Жизнь и искусство“.

Тезисы реферата: —

(См. выше).

II отдѣленіе.

Дебаты по поводу реферата.

III отдѣленіе.

III. „Побѣжденные“ (изъ Ада Негри).

Прочт. уч. VII кл. М. Прейсманъ.

IV. „Разбитыя мечты“. Вальсъ.

Испол. духовой оркестръ подъ управл. К. К. Зиссерманъ.

V. „Человѣкъ“. Стих. И. Я.

Прочт. уч. VII кл. М. Левинъ.

VI. „Трудное время“. Гавотъ. Соч. Лейсекъ.

Исп. духовой оркестръ подъ управл. К. К. Зиссерманъ.

Между отдѣленіями будутъ 10-мин. перерывы.

За секретаря Б. Перетцъ.

IX.

Протоколъ

общеобразовательнаго чтенія 14 марта 1909 года.

На чтеніи присутствовали:

1. Членъ Попечит. Совѣта Н. А. Молчановъ; г. Директоръ Училища С. Г. Егоровъ съ супругою; гг. преподаватели Училища: П. О. Ѳедорченко съ супругой, П. И. Хваловскій, М. М. Щегловъ, В. И. Шумиловъ, Ф. И. Янковскій.

2. Изъ родителей: Г-жи: Малышева, Петрова, Севенардъ, Леоновичъ, Лейбовичъ, Чернышева, Гранатъ; Г-да: Ивановъ, Томашкевичъ, Леоновичъ, Щекинъ.

По открытіи Собранія въ 7 ч. 20 м. вечера, и об. Секретаря, уч. VIII кл. Б. Перетцъ былъ прочитанъ протоколъ чтенія и объявленіе слѣдующаго Собранія: „11 апрѣля имѣетъ быть общеобразов. чтеніе. Ученикомъ VII кл. М. Прейсманъ будетъ предложенъ рефератъ на тему: „Красота формъ въ природѣ“. Во время реферата будетъ проектировано на экранѣ около 25 картинъ. Послѣ реферата—литературно-музыкально-вокальное отдѣленіе“.

Затѣмъ, учен. VIII кл. Л. Клейманомъ былъ прочитанъ рефератъ: „Жизнь и искусство“.

Тезисы реферата: *см. программу.*

Послѣ реферата былъ 10-мин. перерывъ. Затѣмъ по программѣ, должны были начаться дебаты по поводу содержанія реферата, но, согласно просьбы г. капельмейстера К. К. Эпсермана, вмѣсто дебатовъ, прошло литературно-вокально-музыкальное отдѣленіе. Были исполнены №№: *см. программу:*

Послѣ 10-мин. перерыва начались дебаты, въ которыхъ принимали участіе: Шполянскій (VIII кл.), Бобровъ (VI кл.), Линденбратенъ (VI кл.), Миллеръ (VIII кл.).

Дебантъ Шполянскій указалъ, что искусство создается не только подъ вліяніемъ географическихъ условій и историческаго прошлаго, какъ утверждаетъ референтъ, но также и въ зависимости отъ индивидуальности художника. Кромѣ того, искусство существуетъ не вслѣдствіе желанія безсмертія, но скорѣе, какъ отраженіе впечатлѣній жизни, которыя и являются цѣлью искусства.

Референтъ согласился съ тѣмъ, что искусство, между прочимъ, зависитъ и отъ индивидуальности художника, но что это—не главный факторъ. Относительно же взгляда Шполянскаго на отраженіе впечатлѣній жизни, какъ на цѣль искусства, референтъ замѣтилъ, что эти отраженія являются только рамками, но не двигателемъ искусства.

Затѣмъ Шполянскій высказалъ соображеніе, что земная жизнь грековъ опредѣляла ихъ психологію такъ, что они и не могли создавать высшихъ произведеній искусства. Л. Клейманъ на это возразилъ, что земная жизнь грековъ не мѣшала имъ быть творцами искусства.

Шполянскій еще отмѣтилъ, что современное декадентство является уродливымъ лишь вслѣдствіе отсутствія высокоталантливаго представителя въ средѣ декадентовъ, который былъ бы понятенъ широкимъ слоямъ общества. Въ отвѣтъ на это референтъ указалъ, какъ на причину уродливости декадентства, на тотъ хаосъ, впечатлѣній, авторовъ, который является продуктомъ ненормальной современной жизни.

Дебантъ Бобровъ высказалъ взглядъ, что искусство создается не столько подъ вліяніемъ чувства, сколько разума. Референтъ признаетъ вліяніе разума на искусство, но доминирующее значеніе предоставляетъ чувству. Потомъ Бобровъ не соглашается съ мыслью референта, что у арабовъ не было гоненія на науку. Однако этотъ вопросъ г. Пред-

ѣдатель снялъ съ обсужденія въ виду того, что онъ былъ разобранъ на рефератѣ 17 января 1909 года.

Записавшійся на дебаты Р. Линденбратенъ отказался отъ слова. Миллеръ выступилъ въ защиту референта противъ Шполянскаго, что стремленіе къ безсмертію есть главнѣйшій двигатель человѣческаго творчества.

По окончаніи дебатовъ г. Предсѣдатель, закрывая Собраніе, отмѣтилъ, что нынѣшнее общеобразоват. чтеніе прошло съ большимъ успѣхомъ, и что, вообще, это трудное, но важное и необходимое дѣло теперь налаживается и даетъ надежду на лучшее будущее.

Собраніе закончилось въ 10 ч. 40 м. вечера. д

Предсѣдатель А. Линьковъ.

Секретарь Б. Перетцъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ СИБИРСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX СТОЛѢТІЯ.

I.

Прежде. Въ указѣ *Его Императорскаго Величества* изъ Енисейскаго Духовнаго Правленія отъ 4-го маія за № 297 *Его Преосвященство Михаилъ, Епископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій и кавалеръ* отъ 26-го апрѣля за № 203 изволилъ предписать слѣдующее: Промысломъ Божіимъ и по указу *Святѣйшаго Правительствующаго Сино*-да отъ 24-го февраля сего года за № 2352 духовенство вновь открытой Енисейской губерніи, составившейся изъ пяти уѣздовъ: Красноярскаго, Енисейскаго, Ачинскаго, Канскаго и Минусинскаго, отдѣленныхъ отъ Томской губерніи, принадлежащее къ епархіи Тобольской, для единообразнаго соединенія въ порядкѣ съ гражданскимъ управленіемъ и по причинѣ отдаленности сей губерніи отъ Тобольска, причислено къ епархіи Иркутской, о чемъ объявляя Енисейскому Духовному правленію для такового же объявленія всѣмъ священно-церковно-служителямъ Вѣдомства своего, *во-первыхъ*, духомъ моимъ и сердцемъ желаю, и буду испрашивать отъ пастыря начальника Іисуса Христа божественной благодати Его всѣмъ истиннымъ чадамъ Церкви Его, составляющимъ новую паству мою, дабы они вели себя достойно званія своего и сана, поступая во всемъ по правиламъ свя-тыхъ Апостолъ и отецъ, Духовному Регламенту и указамъ; *более, предлагаю, дабы они, священно-церковно-служители*, отнынѣ со всѣми своими дѣлами и нуждами относились уже уже не къ Тобольскому Владыкѣ и въ тамошнюю консисторію, а въ Иркутскую и ко мнѣ, не именуя, вмѣсто, меня *Вели-*

нымъ Господиномъ, а просто Преосвященствомъ,— въ Енисейскомъ Духовномъ Правленіи приказали Архипастырское предписаніе *Его Преосвященства* объявить духовенству Градскому въ Духовномъ Правленіи, а уѣздному чрезъ Благочинныхъ мѣстныхъ, Верхоподгороднымъ же и Городищенскимъ священно-церковно-служителямъ чрезъ предписанія Духовнаго Правленія, о чемъ чрезъ сіе и объявляется и вамъ симъ предписывается. Маія 20 дня 1824 года № 213.

II.

Приказъ. Въ указѣ *Его Императорскаго Величества* изъ Енисейскаго Духовнаго Правленія отъ 4-го марта за № 175-мъ съ прописаніемъ таковаго-жъ Иркутской Духовной Консисторіи отъ 13 февраля за № 28-мъ изображено: сная Консисторія, слушавъ предложеніе *Его Преосвященства*, въ которомъ написано, что являющіеся ко мнѣ кандидаты—ставленники для посвященія въ дьякона и іереи большею частью оказываются при испытаніи совсѣмъ неприготовленными къ просимому сану, и только умѣющими читать по книгамъ, но нечитавшими оныхъ, кромѣ часослова и псалтыри, почему подтвердить указами черезъ Духовныя Правленія всѣмъ по Епархіи священно-церковно-служителямъ, дабы никто изъ нихъ не искалъ и не желалъ бы повышенія въ своемъ чинѣ, кто не читалъ нижеслѣдующихъ книгъ: 1-е) Библіи во всемъ ея составѣ, 2-е) православнаго исповѣданія, 3-е) О должности приходскихъ священниковъ, 4-е) изъясненія на литургію и другихъ поучительныхъ книгъ, особливо писаній святыхъ отцовъ, что же касается до устава церковнаго, служебника и требника, то само собою разумѣется, что сіи книги должны быть ихъ ручными и также знакомыми, какъ русская азбука. Во всѣхъ вышеписанныхъ предметахъ Духовныя Правленія обязаны предварительно испытать рекомендуемыхъ ими кандидатовъ и предварять, что за незнаніе сихъ предметовъ они не только получатъ отказъ въ своихъ прошеніяхъ, но и подвергнутся оштрафованію, если и за симъ будутъ еще домагаться или пріискивать повышенія, въ чемъ приказали: съ прописаніемъ резолюціи *Его Преосвященства* на точное исполненіе во оное Духовное Правленіе послать указъ; въ ономъ же Правленіи *опредѣлено:* градскимъ дьяконамъ и причетникамъ объявить сей указъ по подлежащему въ Духовномъ Правленіи, а уѣзднымъ чрезъ мѣстныхъ священниковъ и благочинныхъ, о чемъ вамъ (т. е. благочинному) симъ и предписывается. Марта 31 дня 1826 года № 80.

III.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Енисейскаго Духовнаго Правленія..... Священно-церковно-служителямъ. Въ указѣ Иркутской Духовной Консисторіи отъ 31-го декабря 1830 г. № 2781-й прочитывается: Въ данномъ сей Консисторіи предложеніи отъ 11 декабря сего года *Его Высокопреосвященствомъ Иракія, Архіепископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій* и разныхъ *орденовъ кавалеръ*, прописываетъ: „что, желая преподать, сколько возможно, самые легкіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ самые вѣрные способы къ изученію священно-церковно-служителей тѣмъ предметамъ, кои входятъ въ составъ ихъ непремѣнной обязанности, нужнымъ нахожу на сей конецъ, по всѣмъ церквамъ вѣренной мнѣ Епархіи учинить **слѣдующее распоряженіе:**

1) Благочинные обязываются во всѣхъ церквахъ свѣдѣнія завести скрѣпленные ими тетрадки, примѣрно въ два листа, къ коимъ, въ случаѣ новой надобности, самому причту прибавлять потребное количество листовъ за скрѣпою **всѣхъ священно-церковно-служителей.**

2). Старшему священнику церкви въ каждую субботу назначать какъ себѣ, такъ и младшему священнику изучить что-либо изъ ставленной грамоты, или изъ святительскаго поученія, дьякону же изъ грамоты діаконской и пространнаго катихизиса, а причетникамъ изъ сокращеннаго катихизиса, ежели они не предполагаютъ когда-либо быть діаконами или священниками. Въ противномъ же случаѣ тожъ изъ пространнаго. —и вносить сіе тогда же въ оную тетрадку, ясно и точно, то-есть сказывать, отъ какого мѣста по какое и что именно назначено изучать. Все же такимъ образомъ **написанное скрѣпить всему причту.**

3). По истеченіи недѣли старшему священнику прослушивать всѣхъ священно-церковно-служителей, и записывать въ означенной тетрадкѣ все то, что въ продолженіе сего времени изучилъ самъ старшій священникъ, что младшій его сослуживецъ, что дьяконъ и что причетники, и записанное **скрѣпить всему причту.**

4). Ежели священникъ и дьяконъ почему-либо не имѣютъ ставленной грамоты, то въ такомъ случаѣ непремѣнно**му списать оную: а между тѣмъ донесть о семъ благочинному для представленія намъ.**

5). По изученіи причтомъ вышеизложенныхъ предметовъ, тѣмъ же порядкомъ задавать священникамъ изъ предисловія книги о должности пресвитера, а дьяконамъ и причетни-

камъ изъ нотной тетрадки придворнаго пѣнія Божественной Литургіи.

6) Вышепоказанный напѣвъ придворнаго пѣнія Божественной Литургіи не только причетникамъ и дьяконамъ, но и всѣмъ священникамъ изучать въ твердость.

7). Благочиннымъ наблюдать строго, дабы вышеупомянутыя книги.—какъ-то: пространный катихизисъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета, книги о должности пресвитера и тетрадку придворнаго напѣва Божественной Литургіи съ его времени выписаны были изъ консисторіи для всѣхъ церквей ихъ вѣдѣнія, а до того по частямъ переписывать какъ оное предисловіе, такъ и прочее каждому причту: о чемъ благочинные должны имѣть неупустительное наблюденіе.

8). Между тѣмъ, Консисторіи нынѣ же позаботиться о выпискѣ изъ синодальной типографіи потребнаго числа экземпляровъ какъ означенныхъ, такъ и другихъ книгъ, нужныхъ для епархіи, послѣ предварительнаго чего разсмотрѣнія и утвержденія.

9). Когда священники ставленную грамоту, святительское поученіе и предисловіе изъ книги о должности пресвитера изучатъ, то занимать ихъ чтеніемъ дальнѣйшаго изъ сей книги и изученіемъ наизусть замѣчательнѣйшихъ текстовъ, и старшему отъ младшихъ ежедневно требовать отчета въ прочитанномъ, то-есть могутъ ли они всѣ то пересказать своими словами и подтвердить текстомъ, наизусть произнесеннымъ. Порокъ какъ ихъ, такъ и свои успѣхи или противное тому записывать въ вышеуказанную тетрадь.

10). Когда же дьяконы и причетники изучатъ въ твердость вышеназначенные имъ предметы: то занимать ихъ изученіемъ краткой священной исторіи съ вопросами, пѣніемъ изъ обихода и другихъ нотныхъ книгъ, употребляемыхъ въ церкви, чистописаніемъ и изученіемъ простыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, съ записью въ тетрадку, какъ выше сказано.

11). Благочиннымъ не упускать изъ виду и того, чтобъ священно церковнослужители уставъ и весь кругъ церковной знали и успѣхи или безуспѣшность ихъ въ сихъ предметахъ также означать въ тетрадкахъ, замѣчая и то, объемлютъ ли причетники книжицу краткаго устава обстоятельно, то задавать изъ оной уроки по вышеуказанному во 2-мъ и 3-мъ пунктахъ наставленію. Въ случаѣ же неимѣнія самой книжицы благочиннымъ донесть о томъ немедленно Консисторіи.

12). За каждою утреню, послѣ первой каѳисмы, неотмѣнно прочитать что-либо изъ пролога или четь-миней на сей день, буде же оныхъ не имѣется, то пріобрѣсть, хотя прологъ, а дотолѣ читать какую-либо часть изъ книгъ, положенныхъ на сей конецъ Святѣйшимъ Сунодомъ, примѣнясь по днямъ и обстоятельствамъ.

13). За каждою литургіею въ будни, послѣ заамвонной молитвы, прочитать одно изъ повседневныхъ поученій изъ книгѣ, разосланной во всѣ церкви отъ Святѣйшаго Сунода

14). За каждою литургіею, въ воскресные и праздничные дни прочитать положенную на тотъ день сунодальную проповѣдь, протверди ее заблаговременно, дабы худымъ чтеніемъ не произвести отвращеніе въ слушателѣ. что наблюдать и относительно ежедневныхъ поученій.

15). Что изъ вышесказаннаго въ продолженіе недѣли было исполнено, также и отнущено, и почему именно? Сіе записывать въ тетрадкѣ.

16). Благочиннымъ выписывать и сіи книги изъ Консисторіи, ежели гдѣ такихъ нынѣ при церквахъ не находится.

17). Консисторіи немедленно по первому донесенію отъ благочинныхъ выписать оныя изъ сунодальной типографіи.

18). Всему причту церковному неотмѣнно приходить на всякое славословіе и становиться на клиросъ, исключая тѣ случаи, когда священники, бывъ заняты мірскими требами, исполнить сего будутъ въ невозможности. Нерадѣніе же причта о хожденіи въ церковь отмѣчать въ тетрадкѣ.

19). Діаконамъ въ воскресные и праздничные дни безъ приготовленія не служить, противное отмѣчать въ тетрадкѣ.

20). Внушить священникамъ и причетникамъ, чтобъ они предъ всякимъ служеніемъ протверживали по возможности, что кому въ продолженіе службы читать или пѣть подлежать будетъ, а именно: священники и діаконы умѣли бы прочитать по возможности съ уразумѣніемъ и страхомъ Божіимъ Св. Евангеліе, а дьячки и пономари такимъ же образомъ часословъ, псалтирь, пареміи и каноны съ строгимъ соблюденіемъ окей и прочихъ ударений, въ церковныхъ книгахъ употребляемыхъ: а вѣ вообще умѣли бы правильно по нотамъ пропѣть стихиры и ирмосы, положенныя на тотъ день.

21). Противное сему, а особенно тѣ слова, гдѣ причтъ погрѣшаетъ противу ударенія и извращаетъ смыслъ оныхъ, означать съ подробностью въ тетрадкѣ.

22). Изъ вышепомянаемыхъ тетрадокъ каждые три мѣсяца дѣлать точную выписку, которую за скрѣпою всего причта и мѣстнаго благочиннаго представлять намъ для разсмотрѣнія при рапортѣ отъ благочиннаго.

Консисторія распорядится по надлежащему.

Приказали: съ предписаніемъ предложенія *Его Высокопреосвященства* на должное по оному исполненіе вамъ священно-церковнослужителямъ чрезъ Духовныя Правленія и благочинныхъ послать указы. Въ здѣшнемъ правленіи *определено:* съ предписаніемъ указа на точное исполненіе онаго послать таковые-жъ къ подвѣдомственнымъ благочиннымъ и священно-церковнослужителямъ. Генваря 13 дня. 1831 года № 30. Архимандритъ Кенсефонтъ. 9-го класса Тюменцовъ.

IV.

Иркутской Духовной Консисторіи.

Замѣчено мною, что многіе изъ причетниковъввѣренной мнѣ епархіи не только въ селахъ, но и въ самомъ Иркутскѣ, правильно читать церковныя книги и пѣть по нотѣ не умѣютъ. Для отвращенія таковой неисправности имѣлаю учинить слѣдующее.

1). Монастырскимъ настоятелямъ, благочиннымъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ священникамъ Иркутской Епархіи поставить въ непремѣнную обязанность, имѣть точное, также о научени чтенію и пѣнію находящихся подъ вѣдѣніемъ ихъ причетниковъ попеченіе, какове имѣютъ богобоязненные отцы о собственныхъ своихъ дѣтяхъ.

2). Каждому вновь опредѣленному причетнику объявить при самомъ его вступленіи, что доколѣ онъ не научится правильно читать и пѣть, дотолѣ будетъ у него удерживаться половина доходовъ, которая можетъ быть не прежде возвращена ему, какъ по пріобрѣтеніи имъ совершеннаго навыка къ чтенію и пѣнію.

3). Условіе сіе неупустительно исполнять на самомъ дѣлѣ, имѣя точную записку удерживаемаго дохода, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа удержанія.

4). Если въ продолженіе года такимъ образомъ вступумый научится пѣть и читать, то весь удержанный доходъ, съ предварительнаго нашего разрѣшенія возвращать ему, въ противномъ же случаѣ присылать оный въ Консисторію въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія, донося намъ въ то же время съ ясными доказательствами, что таковый причетникъ къ прохожденію своей должности уже совершенно неблагонадеженъ. Консисторія распорядится

по надлежащему. Подлинный подписалъ Ириней Архіепископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій; съ подлиннымъ вѣрно: въ должности секретаря Николай (неразборчиво).

Съ копіею вѣрно: архимандритъ Ксенофонтъ. Февраля 6 дня 1831 года № 38.

V.

Указомъ изъ Енисейскаго Духовнаго Правленія отъ 20 марта 1835 года № 181 предписано, чтобы причетники, кромѣ исправнаго чтенія, умѣли бы твердо пѣть. „Господи воззвахъ" по гласамъ на Воскресныя стихиры, „Богъ Господь и явися" на таковые же тропари и „Свитъ Господь Богъ нашъ" на прокимнѣ передъ Евангеліемъ подъ угрозой, что стихарные причетники черезъ полгода при незнаніи наизусть вышеуказаннаго будутъ лишены стихаря, а прочіе черезъ годъ половины доходовъ".

Сообщилъ *А. Савельевъ.*

НА МОЕЙ ПАМЯТИ.

День былъ пасмурный. Я лежалъ на своихъ нарахъ и курилъ махорку. Въ сосѣдней комнатѣ слышны были заунывныя пѣсни сапожниковъ, бывшихъ каторжанъ, и стукъ ихъ молотковъ. Одинъ изъ нихъ Василій Носоховъ, отмахавшій 20 лѣтъ на Карѣ, уже съдой, пѣлъ о загубленной молодости, о бродяжествѣ, какъ онъ, тоскуя по родинѣ, пришелъ въ свое село, его узнали и опять отправили по Владимиркѣ.

— Помолчи, Васька, - кричитъ хозяинъ Николай, тоже каторжный.—Вишь душу-то вымотываешь, и безъ тебя тошно. Еще – орлорецъ, проломленная голова!... А я—москвичъ, человѣкъ полированный, и то бодрюсь, не хнычу; ну, а ты разверзь тамъ свои выкрутасы: „какъ ушелъ, да ушелъ добрый молодецъ". Да вѣдь всѣ мы добрые молодцы за художество пришли на Кару-то. Я за то, что въ темную ноченьку съ кистенемъ гулялъ подъ Москвой, за Калужской заставой обозы грабилъ съ товарами. Полоснулъ, значитъ, ямщика ножемъ; ну, и влопался. Да вѣдь и ты, Васька, за то же самое, только около города Сѣвска. А ты, старый дьяконъ, за какія-такія грѣхи попалъ сюда, - продолжалъ Николай, обращаясь къ высокому худощавому бродягѣ, извѣстному въ Олекминскѣ пьяницѣ.

— Ты меня, Николка, не пытай—слышится отвѣтъ стараго дьякона. За что я попалъ это не твоего ума дѣло.

Старый дьяконъ извѣстенъ былъ подъ фамиліей Ивановскаго, изъ бродягъ, сулился въ Новгородской губерніи за бродяжество.

Но сапожникъ Васька продолжалъ пѣть свою заунывную пѣсню, нескладно сложенную, по его разсказамъ, имъ самимъ.

Какъ ушелъ добрый молодецъ изъ Сибири,—
Во первыхъ, прошелъ лугами и топями,
Лугами Забайкальскими—Барабинскими,
Топями Красноярскими;
Во-вторыхъ, прошелъ по темнымъ лѣсамъ Сибирскіимъ;
Подъ колодой, инемъ съ лютымъ звѣремъ ночевалъ въ тайгѣ,
Пѣсню скучную вмѣстѣ съ лѣшимъ пѣлъ.
Не страшился я чорта, лѣшаго,
А боялся я волостного писаря,
Засѣдателя полупьянаго.
Муки кончились: какъ пришелъ домой добрый молодецъ.
Во родно село, Новоспасское.
Пришелъ къ своему двору;
Къ своему двору, къ отцу, къ матери;
Къ отцу, къ матери подъ окошечко.
Ты, родимой мой батюшка,
Пусти въ темну ночь ночевать сынка!
Ты, родимая моя матушка,
Осуши слезы горючія,
Обогрѣй меня на родной груди.
На ту рѣчь мою родной батюшка
Грубымъ голосомъ таку рѣчь держалъ:
Какъ у насъ во роду воровъ не было.
Ни воровъ и ни разбойниковъ;
Уходи, подлецъ, отъ моихъ оконъ.
Услыхала то родна матушка,
Выходила она за новы ворота.
Ты, дите мое, чадо милое,
Прокопій да свѣтъ Степановичъ,
Уходи скорѣй отъ родной избы,
Какъ у насъ въ избѣ злые вороги.
Слезы лью съ тѣхъ поръ, эхъ, товарищи!
По бѣлу свѣту до сѣдыхъ волосъ шляюсь я...
Не видалъ и села Новоспасскаго...
Водворилась тишина.

— Это я! Я про себя пою. Это было со мной. Я не Васька, а Прокопій Степановичъ,— сказалъ сапожникъ и замолчалъ.

Васька былъ пѣсельникъ, онъ пѣлъ съ утра и до вечера, сидя за верстакомъ, запасъ пѣсенъ у него былъ неистощи-

мый. Печальная незатѣйливая пѣсня Васьки нагоняла тоску и на Николая. Скучно было всѣмъ и даже моя черная кошка Машка и та, забравшись въ комнату чрезъ разбитое стекло, жалобно мурлыкала около меня, какъ бы чувствуя скуку и горе людское и преждевременно разбитую жизнь. Всѣ это чувствовали, но не знали виновника своихъ несчастій, и каждый норовилъ сорвать свое горе на своемъ ближнемъ. Здѣсь всѣ были несчастны, даже моя кошка Машка, брошенная на произволъ судьбы докторомъ, уѣхавшимъ въ Россію.

Общую тишину прервалъ тотъ же Васька, затянувшій вторую негладкую самодѣльную пѣсню.

Вы скажите, мои мысли,
Про мое ли про несчастье.
Долго-ль намъ будетъ маяться
Въ эдакой напасти.
Печальное сердце безпрестанно тужитъ
Все по прежней волюшкѣ.
Кабы мнѣ да молодцу прежню волюшку,
Прежню волюшку, сизы крылышки!
Полетѣлъ бы я во Россеюшку,
Во Россеюшку къ отцу—къ матери,
Въ Новоспаское, къ милой лапушкѣ....

Васька! Чортъ ты эдакой,—кричитъ Николай.—что поешь-то? Самому подлецу подъ 70 лѣтъ, сѣдой какъ лунь, а поетъ о милой лапушкѣ, да ты пойми, окаянный, лѣшій эдакой, вѣдь твоя то милая лапушка похожа на кіевскую вѣдьму, вѣдь зубовъ то, поди, нѣтъ ужъ, а тоже лапушка. Тебѣ-ли теперь о лапушкахъ пѣть. Тебѣ, окаянному, слѣдуетъ только Богу молиться, о спасеніи души заботиться, а не о лапушкахъ пѣть.

— Да вѣдь изъ пѣсни слова не выставить,—говоритъ Васька.

— Изъ пѣсни слова не выставить.—передразниваетъ его Николай,— да ты самъ эту пѣсню-то сейчасъ сложилъ.

— Ну, такъ што, хоть бы и самъ!

— А вотъ то-то и есть такіе пѣсни молодому пѣть, а не старику тебѣ.

— А ты молодой, почему не поешь такихъ пѣсенъ?

— А потому, что не для нашего брата онѣ.

— Вотъ. Ты потому не поешь, что тебѣ такой пѣсни не сложить. Знаю, что у тебя въ головѣ-то свитъ: опять бы идти подъ Москву народъ грабить, да убивать.

— Ну и ты не лучше меня; тебя, стараго пса, тоже тянетъ подъ Сѣвскъ, али подъ Брянскъ, али межъ Карачевомъ и Брянскомъ народъ православный грабить, а ке попадается богатенькаго, такъ и богомолку ошпигаешь.

— Оно, пожалуй: одного, братъ, мы съ тобой поля ягода, —отвѣчаетъ Васька.

— Да, Васька, если бы не малые ребята, давно бы изъ этого гиблаго мѣста ушелъ. Посуди самъ: ты работаешь, работаешь съ утра до вечера, а что у насъ съ тобой есть?!

Я еще какъ-нибудь пробьюсь, потому что я молодъ, мнѣ 45 годовъ, а тебѣ подъ 70 и умрешь ты, какъ собака, гдѣ-нибудь въ Маджегорскомъ послегѣ, подъ зародомъ сѣна у якутовъ. Такъ вотъ и кончится твоя анаѳемская жизнь. А впрочемъ, что объ ефтомъ толковать, разъ отецъ съ матерью породили меня, знать, надо жить до смерти, вести свою проклятую линію. Хоша иной разъ и приходитъ въ голову мысль идти на Лену ершей ловить и дѣлу конецъ, а потомъ одумаешься и скажешь себѣ: теперь малось, авось потомъ лучше будетъ; на повѣрку же выходитъ не только лучше, но все хуже и хуже становится жить-то. Думаешь, какъ бы ухитриться такъ пожить—по-господски, какъ исправникъ, али полицейскіе писаря. Каждый день бы въ карты поиграть, нализаться водки, колбаской закусить, тамъ сыкомъ и всякой другой канителью...

— Дуракъ!—кричитъ старый дьяконъ. А работу-то и красивыхъ бабъ забылъ? А зуботычины въ мордолюевку?

— Ребята послушайте!—кричитъ бродяга Богдановъ.

—Чего тебя слушать-то.—говоритъ дьяконъ.--Исправникъ начальство, поставленное надъ вѣми, чтобы вы не баловались, не воровали, людей не убивали; и въ писаніи сказано: „сущій бо власти отъ Бога учинены суть“.

— Да, вѣдь и мы отъ Бога.

— Ну, братъ, ты врешь. Богъ то разбойниковъ не ставитъ.

— Нѣтъ, ты, старый дьяконъ, врешь,—возражаетъ Николай.--Чѣмъ исправникъ отъ меня, примѣрно, будучи сказать, отличается?

— А тѣмъ, что онъ благорожденный, благородный, значитъ, а ты хамъ, разбойникъ, грабилъ подъ Москвой народъ православный, а исправники развѣ разбоемъ занимаются?

— Ну, ладно, пусть они не грабятъ и не убиваютъ, а хабару то вѣдь берутъ?

— Беруть, но вѣдь хабара то установлена, потому что въ церкви то читаетъ священникъ: „всякое даяніе благо, всякъ даръ совершенъ свыше“.

— Ты, дьяконъ, сегодня, кажись, лишній мерзавчикъ выпилъ, потому такъ и говоришь, все по божественной части, да по мудреному. Ну, а вотъ скажи мнѣ: грѣхъ убивать, али нѣтъ?

— Грѣхъ.

— А грабить?

— Тоже грѣхъ.

— А если грѣхъ, такъ твой исправникъ то же, что и я.

— Врешь, Николай. Ты — поселенецъ, два раза за убійство былъ сосланъ въ каторгу, а теперь съ Кары пришелъ въ Якутскую область. Вотъ, братецъ ты мой, кто ты.

— А хабара, по моему, все едино, что и грабежъ, вѣдь исправникъ береть ее за кривосудіе?..

— Я не знаю, за что онъ беретъ, но знаю, что всякое даяніе благо.

Васька положилъ конецъ этому спору, затянувъ извѣстную заунывную арестантскую пѣсню:

Ночь темна и свѣтла надъ водою,
Надъ обрывомъ, гдѣ волны шумятъ,
Освященныя яркой луною.
Стѣны бѣлыя замка стоятъ.
Въ тихой кельѣ лампада мерцаетъ,
Узникъ спитъ, разгорается кровь,
Вспоминается старое, прежнее время,
Воскресаетъ забытое вновь.
Охъ, какъ эти высокія сосны,
Такъ растутъ подъ сіяніемъ дня.
Охъ, какъ эти мнѣ цѣпи несносны,
Они мучатъ, терзаютъ меня.
Скиньте, сбросьте желѣзныя цѣпи,
Отпустите на свѣтъ и просторъ,
Гдѣ поютъ перелетныя птицы,
Гдѣ шумитъ зеленѣющій боръ.
Отворите окно, отворите:
Мнѣ недолго страдать и любить.
Еще разъ на свободу пустите:
Мнѣ недолго осталося жить.
Цѣлу жизнь я страдалъ,
И страдальцемъ умру я;
Я умру, вы меня схороните
На родныхъ, на широкихъ поляхъ.

Будетъ солнце сіять надо мною;
Мнѣ въ могилѣ легко будетъ жить,
Запоютъ перелетныя птицы,
Зашумитъ зеленѣющій боръ,
Загудитъ, зашумитъ мать дубравушка.
И придетъ на могилу мою
Моя милая лапушка,
И потонетъ могила въ цвѣтахъ...

— Нѣтъ, Васька,—говоритъ дьяконъ,—могила-то наша съ тобой не потонетъ въ цвѣтахъ, а вотъ Николай по осиновому колу вобьетъ. И то ладно будетъ, потому мы съ тобой бродяги изъ карійскихъ каторжанъ, цѣлую жизнь мучились и на томъ свѣтѣ не сладко намъ будетъ, а что по части цвѣтовъ, такъ они не про насъ писаны. Гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, чай пить, намъ хорошо и водицу съ сольцой.

Но Васька сидѣлъ и не слушалъ дьякона; молотокъ его упалъ изъ рукъ. Онъ, видимо, впалъ въ глубокое раздумье. Казалось, что онъ жалѣлъ о своей разбитой жизни и загубленныхъ имъ жертвахъ....

— А все-таки мы, русскіе, дураки,—говоритъ Богдановъ.

— Почему же это такъ?—возражаетъ Николай.

— А потому, что мы хуже другихъ. Возьмемъ, примѣрно, чухонцевъ, литовцевъ, поляковъ, латышей и татаръ,—всѣ они будутъ насъ лучше.

— Ну, а ежели они лучше насъ, такъ ты и переходи въ мухоеданскую вѣру, сдѣлайся татариномъ, а тамъ двухъ бабъ купи. Нѣтъ, въ сурьезъ: чѣмъ же они всѣ лучше насъ?

— А вотъ я разскажу вамъ. Я—псковской.

— Кособрюхой, значитъ,—остритъ Николай.

— Да не перебивай! У насъ по сосѣдству живутъ чухонцы.

Но завязавшійся споръ былъ прерванъ новой пѣсней Васьки. Это было какое то неутомимое горло.

Сторона-ль моя, сторонушка,
Сторона-ль моя постылая,
Постылая, холодная.
Я не самъ собой во тебя зашелъ,
Привели меня добра молодца
Во желѣзныхъ кандалахъ, скованымъ.
Заковала меня бодрость ухорска,
Бодрость ухорска, молодецкая.

А породила меня моя матушка
Во дремучемъ лѣсу,
Что во темномъ бору,
Какъ во темномъ бору,
Въ лѣсу брянскiимъ,
Во недобрый день, да во пятницу.
Пеленала меня моя матушка
Зеленой травой,
Не атласъ—бархатомъ,
Не боялся я дождя частаго,
Дождя частаго, вѣтру буйнаго;
Какъ мочило меня частымъ дождикомъ,
Обдувало меня вѣтромъ буйнымъ.
Какъ во томъ ли во бору,
Во темномъ-ли лѣсу,
Я убилъ, эхъ, убилъ! зла помѣщика,
Зла помѣщика, звѣря лютаго.
Заковали меня, добра молодца,
Во кандалики да желѣзныя,
Во желѣзныя, да тяжелыя.
И пошелъ на Кару, во холодну Сибирь,
Во холодну Сибирь по Владимиркѣ...

— А и по дѣломъ,—сказалъ дьяконъ, когда Васька окончилъ свою пѣсню. —за правду значитъ. Не бей помѣщика—не попался бы и на Кару. Правда восторжествовала!

Ну, ты, дьяконъ, помалкивай со своей правдой,—горлалъ Николай. И гдѣ нынѣ правда? Кто это правдой-то живетъ? Вотъ примѣрно, будучи сказать, я обокраду жидка Мейтуса, или татарина Халенку, дамъ полиціи 100 рублевъ и выпустятъ меня, и я буду чистъ Вотъ тебѣ и правда.

— Выпустятъ и скажутъ: иди чадо съ миромъ и твори такожде почаще,—вставилъ дьяконъ.

—Правда нынѣ: братъ, въ лаптяхъ ходитъ.—продолжалъ Николай.—въ лохмотьяхъ, а кривда съ господами въ золотѣ водочку пьетъ, да московской колбасой закусываетъ. Правда нынче въ кандалы закована, да и когда она была то на свѣтѣ?

— А Христосъ развѣ неправду намъ проповѣдывалъ? — оправдывался дьяконъ.

— За правду-то Христа и распяли на крестъ,—отвѣчаетъ Николай. Вотъ тебѣ и правда! Нынче съ неправдой лучше знакомство вести, чѣмъ съ правдой: съ ней, съ матушкой, всегда въ накладѣ будешь. Ежели сказать тебѣ, старый

дьяконъ,—по совѣсти, развѣ я виноватъ, что ямщика ножомъ убилъ. Нѣтъ. Развѣ мнѣ кто съ малыхъ лѣтъ говорилъ, что грабить нельзя. Я учился на Хитровомъ рынкѣ, меня съ малыхъ лѣтъ тамъ поили водкой, велѣли воровать и говорили, ежели я окольчу кого-либо: ай, да парень, Николка, изъ тебя выйдетъ хорошій молодецъ. На, выпей, другъ, водочки.

— Значитъ, стомаха ради укрѣпился виномъ,—острилъ дьяконъ. Я тоже отъ юности моея позналь веселіе Руси — пити и отъ юности же моея многи борютъ мя страсти.

Я въ это время находился въ горницѣ. Вдругъ слышу:

— Ты укажи, гдѣ мнѣ его найти-то.

— Да въ горницѣ, говорятъ тебѣ, ступай со двора, тамъ увидишь дверь,—отвѣчалъ Николай.

— Да ты мнѣ укажи!

Чрезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь въ мою горницу и входитъ маленькаго роста длинноволосый человѣкъ, одѣтый въ якутскую національную одежду, по внѣшнему виду—типичный якутъ. Нѣсколько разъ перекрестился, стоя противъ иконы, и громко спросилъ у меня:

— Ты преступникъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Ты преступникъ; мнѣ сказывали, что ты преступникъ: царь тебя сослалъ къ намъ. Я тебя въ прошломъ году съ Дурдусовки возилъ въ Олекму, когда ты ѣхалъ съ казакомъ и солдатомъ, еще въ серединѣ сидѣлъ у нихъ. Я—Василій Ивановъ, крестьянинъ Олекминской деревни, пару почтовыхъ гоняю, станція-то въ моемъ домѣ. Вотъ я и знаю, что ты преступникъ царя русскаго, значитъ, ты оскорбилъ, онъ за это тебя и послалъ. Ты писать прошенія умѣешь?

— Нѣтъ, не умѣю,—отвѣчалъ я ему.

— Ты грамотный?

— Да.

— Ну, значитъ, умѣешь писать, всѣ грамотные пишутъ прошенія. У насъ хорошимъ писарямъ якуты платятъ дорого, по 25 р. даютъ. Писарь чѣмъ лучше пишетъ, тѣмъ дороже беретъ. Нѣтъ, ужъ ты напиши мнѣ.

Что я буду писать, когда не умѣю,—отказывался я.

Но Ивановъ не унимался и, помимо моего желанія, началъ говорить о своей обидѣ.

— У меня, видишь ли, 7 годовъ тому назадъ сосѣдъ укралъ 131 пудъ ярицы, ее нашли и въ Якутскѣ судъ присудилъ взыскать съ вора 131 р. въ мою пользу. Бумагу судь

прислалъ въ полицію. Воръ то полицейскому писарю далъ три красненькихъ, онъ взялъ да и въ печку бумагу то. Ну, вотъ теперь и нельзя съ него взыскать. Приду я къ исправнику и говорю: исправникъ, ты съ писаремъ мошенничаешь, ты мошенникъ! А исправникъ и закричитъ дежурному казаку: Софронычъ! дай Иванкову въ шею, да посади его на три дня въ чижовку. Казакъ дастъ въ шею. посадитъ меня въ чижовку. отсижу три дня, выйду, приду въ полицію и скажу предъ указомъ, что подъ стекломъ на столѣ стоитъ: помощникъ исправника, ты мошенникъ, секретарь твой мошенникъ и писарь мошенникъ! Помощникъ скажетъ казаку: дай Иванкову въ шею и посади его с... с.. въ холодную еще на три дня. Отсижу. Выпустятъ. Приду въ мірскую избу и скажу старшинѣ: старшина Ивановъ, ты мошенникъ! Старшина побьетъ меня и посадитъ въ холодную. Такъ я хожу 7 лѣтъ и всѣ меня бьютъ, ругаютъ. Ну, вотъ ты и напиши все это, а я поѣдемъ, что ты напишешь, большому начальнику.

Послѣ долгихъ колебаній я написалъ отъ имени Иванкова въ якутскій окружный судъ прошеніе, въ которомъ просилъ прислать копію съ рѣшенія суда. состоявшагося въ 1878 г. по дѣлу о покражѣ хлѣба крестьяниномъ Осиповымъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. За это время въ Олекминскъ много побывало начальства, пріѣхалъ и епископъ Іаковъ. Иванковъ пришелъ къ нему. Подойдя подъ благословеніе, началъ излагать свою повѣсть.

—Ваше превосходительство! У насъ всѣ воры, всѣ мошенники.

Протоіерей, стоявшій около Иванкова, замѣтилъ ему: нельзя говорить *превосходительство*, а надо называть *преосвященство*.

— Ну, это все равно. Вѣдь онъ твой начальникъ, значитъ и *превосходительство*: исправнику онъ тоже начальникъ, вѣдь онъ больше его.

Іаковъ улыбнулся.

— Да ты иди къ исправнику съ жалобой,—сказалъ преосвященный,—онъ разберетъ твое дѣло по правдѣ.

— Ваше превосходительство! Да я зачѣмъ пойду къ исправнику, вѣдь онъ мошенникъ.

— Ну, тогда пожалуйся губернатору, а я начальникъ надъ священниками.

— А исправнику тоже начальникъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же нѣтъ! Я видѣлъ какъ исправникъ предъ тобой шапку снялъ, значитъ, ты начальникъ ему.

Какъ владыка не увѣрялъ Иванкова, что онъ исправнику не начальство, онъ былъ убѣжденъ, что епископъ больше исправника, слѣдовательно, можетъ ему помочь.

— Да, ты, ваше превосходительство, постращай исправника мало-мало, онъ тебя послушаетъ и мнѣ взыщетъ 131 р.; да 7 р. 50 к. судебныхъ издержекъ; за это я съ Дурусовской станціи прокачу тебя во-какъ, вѣдь я пару гоняю, ну, и потомъ чаемъ тебя напою. Пожалуйста постращай его, чтобы меня въ чижовку не садилъ. Да ты скажи ему мошеннику, такъ: ты, исправникъ, больше не смѣй Иванкова сажать въ чижовку, и старостѣ тоже скажи, чтобы онъ меня не билъ. Они тебя послушаютъ.

— Его преосвященству надо говорить *вы*, а не *ты*,— шепчетъ протодьяконъ Иванкову.

— А это все равно, да и какъ ему говорить *вы*, когда онъ *одинъ*.

Пр. Іаковъ, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, благословилъ Иванкова и сказалъ ему:

— Хорошо, хорошо.

Иванковъ же такъ это понялъ, что архіерей скажетъ исправнику и старшинѣ, чтобы его не били и не садили въ чижовку. И довольный ушелъ...

Въ томъ же году, лѣтомъ, случилось важное обстоятельство не только въ жизни Иванкова, но и всего Олекминска. Пронеслась вѣсть, что ѣдетъ генералъ-губернаторъ графъ Игнатьевъ—администраторъ вѣжливый, но строгій. Мѣстное начальство знало всѣ слабыя стороны Игнатьева. Полиція прибиралась, очищалась, во входящемъ журналѣ всѣ отмѣтки были сдѣланы, а незаписанныя въ журналъ бумаги выдворены были въ лодку, валявшуюся во дворѣ, и прикрыты сѣнной трухой. Мѣстные адвокаты работали „во всю", т. е. писали всевозможныя прошенія якутамъ и крестьянамъ.

— Не житье, а малина была бы намъ,—говорилъ одинъ адвокатъ,—если бы генералъ-губернаторы почаще заглядывали сюда.

— Вотъ благодать-то,—говорилъ другой адвокатъ,—въ два дня я заработалъ 200 р. Положимъ, я беру дорогонько, но иначе и нельзя. Якутъ по своему смотритъ на эти ве-

ции: онъ всегда считаетъ лучшимъ адвокатомъ того, кто дороже беретъ. Дескать, дорого беретъ, значитъ, хорошо пишетъ. Зато и даютъ, что ни спросишь; запросишь 30 р. за прошеніе, поторгуется якутъ и дастъ 25 р.

Наконецъ, насталъ давно жданный день. Пароходъ сталъ къ берегу, полицейское начальство встрѣтило генералъ-губернатора; скопцы принесли парниковыхъ арбузовъ и огурцовъ. Одинъ изъ чиновниковъ произвелъ ревизію, сошедшую благополучно, потому что бумаги въ лодкѣ лежали смирно и ни слова не говорили о своемъ существованіи. По приглашенію скопцовъ генералъ-губернаторъ осматривалъ Спасское скопческое село, заходилъ къ старостѣ пить чай и кушать арбузы. Остался очень доволенъ скопческимъ хозяйствомъ и похвалилъ ихъ за трудолюбіе, чѣмъ, понятно, скопцы остались весьма довольны. Возвратившись на пароходъ, около котораго собрались поглазѣть изъ деревни, началъ пріемъ просителей. Послѣ пріема генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе не допускать къ нему больше никого, а самъ прогуливался по палубѣ. Командиръ олекминской казачьей команды распорядился поставить около пароходной сходни казаковъ съ ружьями, приказавъ имъ никого не пускать на пароходъ.

Но вотъ явился къ пароходу Иванковъ.

— Пустите,—говоритъ онъ,—мнѣ нужно къ генералу-губернатору.

— Нельзя.

Но казакъ въ это время былъ чѣмъ-то отвлеченъ въ сторону. Иванковъ воспользовался благопріятнымъ моментомъ и незамѣтно проскользнулъ на палубу.

— Ну,—говорили обыватели,— начнется теперь потѣха. Иванковъ подошелъ къ генералъ-губернатору, молча взялъ за пуговицу его кителя и спросилъ:

— Ты генералъ-губернаторъ?

— Я,—серьезно отвѣчалъ Игнатьевъ.

— Вотъ что, ваше преосвященство!—Ты человѣкъ по-русски, московскій, са-амый настоящій московскій. До Бога высоко, до царя далеко: скажи мнѣ сущую правду. У насъ всѣ воры, всѣ мошенники. Исправникъ—мошенникъ, помощникъ—мошенникъ, засѣдатель—мошенникъ. У меня совѣсть украли 130 пудовъ ярицы, велѣно взыскать 131 р., 7 годовъ прошло, а денегъ мнѣ все не даютъ, потому что писарь въ полиціи бумагу о взысканіи денегъ разорвалъ... Я приду къ исправнику, скажу ему: исправникъ, ты—мошен-

никъ, а исправникъ кричитъ „Софронеевъ! Дай-ка Иванкову въ шею да посади его въ чижовку!“ Софронеевъ, конечно, накостыляетъ мнѣ здорово въ шею и засадитъ въ холодную.

Не успѣлъ Иванковъ разсказать свои злоключенія, какъ вдругъ подходитъ исправникъ и говоритъ:

— Ваше сіятельство, это психически больной человѣкъ.

Генералъ-губернаторъ махнулъ рукой, подскочили казаки повели Иванкова съ парохода.

— Постойте, постойте,—отбиваясь, кричалъ Иванковъ,—я съ енералъ-губернаторомъ хочу говорить.

Его, разумѣется, не послушали.

При спускѣ на берегъ Иванковъ еще разъ выкрикнулъ, что было силы: „Исправникъ, ты—мошенникъ“.

На этотъ разъ Иванковъ не пострадалъ за свою дерзость: Софронеевъ въ шею ему не далъ и въ чижевку не посадилъ.

На берегу Иванковъ все время повторялъ:

— Нѣтъ правды, нѣтъ правды. Скажите, люди добрые, —говорилъ онъ обращаясь къ окружающимъ обывателямъ,— гдѣ же правда то? Исправникъ—мошенникъ, помощникъ—мошенникъ, засѣдатель—мошенникъ, старшина—мошенникъ,—всѣ мошенники. Правды нѣтъ, нигдѣ нѣтъ.

Послѣ разговора съ генералъ-губернаторомъ Иванковъ зашелъ ко мнѣ. Разговорились.

—У насъ въ Олекмѣ люди все плохіе,—всѣ норовятъ украсть, обмануть, не считаютъ это даже и за грѣхъ. А вотъ почему ты не обманываешь, не воруешь, пришелъ къ намъ откуда-то изъ Россіи. Должно быть, тамъ есть же хорошіе люди. До тебя у насъ были В. А. Бондыревъ, Буріотъ и Гамовъ, люди они простые, честные, уѣхали они давно отъ насъ. Они тоже изъ Россіи; значитъ, тамъ у васъ въ Россіи-то гдѣ-то есть же хорошіе люди. Да навѣрно, много такихъ людей и у святого Иннокентія, потому что около угодника должны быть всѣ хорошими: не воры, не мошенники и не пьяницы; худыхъ онъ не пуститъ жить около себя. Надо ѣхать жить туда, ну и грѣхи позамаливать, а много ихъ у меня. Брошу хозяйство, оставлю все сыновьямъ, а самъ поѣду въ Иркутскъ, въ монастырь поступлю, для Бога надо пожить, потрудиться, грѣхи надо замолить. Ты знаешь, что я шаманъ и считаюсь у якутовъ самымъ хорошимъ.

— Какъ же это, Василій, ты попалъ въ шаманы-то, вѣдь ты русскій, православный, и вдругъ шаманишь. Не-

ложимъ, ты въ православіи-то слабоватъ, но отецъ у тебя былъ русскій, дѣдъ тоже...

Признаться сказать, когда я упомянулъ о предкахъ Иванкова, я невольно почувствовалъ всю слабость своей аргументаціи. Дѣло въ томъ, что мнѣ отлично было извѣстно, что русскіе поселенцы въ Якутской области быстро утрачиваютъ свою національную самобытность и подпадаютъ подъ вліяніе якутскаго уклада жизни. Путемъ смѣшанныхъ браковъ постепенно теряются физическія особенности великорусскаго народа: духовныя же вліянія якутовъ, ихъ вѣрованія, обычаи, навыки и т. д. еще быстрѣе усваиваются русскими поселенцами-вольными и невольными. Единственный оплотъ русской культуры въ краѣ—духовенство, но оно въ большинствѣ случаевъ стоитъ далеко не на высотѣ своего призванія. Исторія якутскаго духовенства —это обширный обвинительный актъ со всевозможными статьями изъ Устава Духовныхъ Консисторій, запретительныхъ каноновъ и Устава и Уложенія о наказаніяхъ. Какъ низко стояло духовенство въ Якутской области въ былые годы, видно, напр., изъ слѣдующаго характернаго факта.

Протоіерей олекминскаго собора Федоръ Андросовъ въ 1829 г. сообщаетъ якутскому духовному правленію, что священникъ олекминской спасской церкви, Аѳанасій Малининъ, бывъ у катушки, въ масляницу, взялъ у якута шаманскій бубенъ, возложилъ его на себя съ пѣніемъ богородична: „кто тебѣ не ублажитъ, Пресвятая Дѣво", и продолжая пѣть догѣ, пошелъ по городу, при чемъ два якута были одѣты въ шаманскія платья и представляли бѣлаго шамана. Слѣдствіе, назначенное по этому дѣлу, закончилось однако ничѣмъ, потому что раскрылись такіе факты, что лучше было поскорѣе все замять...

Не удивительно, что при такомъ духовенствѣ, якутская паства—и русскіе и якуты—погрязали въ религіозномъ невѣжествѣ и пробавлялись религіей, представлявшей смѣсь христіанства, шаманства и народныхъ легендъ фантастическаго характера.

Другая русская культурная сила—интеллигенція, тоже какъ то подпадала подъ вліяніе якутской жизни. Богатые напр., классы нерѣдко отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе якутамъ съ той цѣлью, чтобы научить ихъ говорить по якутски, что необходимо при разныхъ сношеніяхъ съ ними. Понятное дѣло, что при этихъ условіяхъ шло открытое и широкое вліяніе якутовъ на попавшаго въ ихъ руки воспитанника.

Администрація тоже испытываетъ на себѣ въ довольно значительной степени вліяніе якутской обстановки.

Конечно, и якуты невольно знакомились съ русской культурой и отчасти пріобщались къ ней. Но это знакомство, къ сожалѣнію ограничивалось только отрицательными сторонами. Отъ русскихъ чиновниковъ якутъ научился сутяжничеству, взяточничеству, самоуправству и др.

Въ завязавшемся разговорѣ съ Иванковымъ я невольно перешелъ на религіозную почву, тѣмъ болѣе, что меня вообще интересовали религіозныя представленія якутовъ.

Иванковъ оказался въ этомъ отношеніи типичнымъ якутомъ, въ головѣ котораго мирно уживалось и христіанство и якутская языческая миѳологія.

Я, между прочимъ, спросилъ Иванкова:

— Какъ по твоему, Василій, кто такой *ирюнь-аи-тоенъ?*

— Богъ,—отвѣчалъ Иванковъ.

— Да вѣдь это языческій якутскій богъ.

— Зачѣмъ якутскій. Ирюнь-аи-тоенъ—самый русскій богъ.

— А Іисусъ Христосъ?

— Тоже Богъ.

— А сатана?

— Сатана-то былъ роднымъ братомъ Іисусу Христу.

— По твоему, Василій, выходитъ, что сатана тоже богъ.

— Нѣтъ. Сатана—нечистый духъ.

— Какимъ же это образомъ сатана—нечистый духъ сдѣлался братомъ Іисуса Христа?—спрашиваю я.

— А вотъ какъ. Ирюнь аи тоенъ послалъ сатану и Іисуса Христа на землю посмотрѣть, какъ люди живутъ. Вотъ они ходили, ходили по землѣ, устали и зашли на край деревни переночевать къ бѣдной вдовѣ, у которой была бѣлая корова, хорошая такая. Она кормила сироту. Корова эта понравилась сатанѣ. Онъ захотѣлъ ее украсть. Но Христосъ объ этомъ узналъ и говоритъ сатанѣ: „не смѣй красть у вдовы коровы, потому она сиротку кормитъ". Сатана отвѣчаетъ: „а тебѣ какое дѣло: ты—младшій братъ, долженъ мнѣ повиноваться, долженъ слушать меня: а корову я все таки украду".

Заспорили и вступили въ борьбу. Христосъ былъ сильнѣе сатаны, побѣдилъ его, повалилъ на землю и говоритъ: „смерти или живота"?

— Оставь меня живымъ,—молитъ сатана Христа.

— Ты злой, такъ я тебя не пущу добромъ. Ступай сначала въ огонь и не смѣй ходить по землѣ, пока я здѣсь. А потомъ тамъ видно будетъ, какъ съ тобой поступить.

Съ этими словами Христосъ низринулъ сатану въ подземный огонь.

Дальше мы разговорились о святыхъ угодникахъ, великихъ мужахъ вѣры. Иванковъ считалъ ихъ за боговъ:

--Василій Великій также богъ. Иванъ Златоустъ тоже; Алексѣй Божій человѣкъ, мать Пресвятая Богородица. Николай чудотворецъ. Петръ и Павелъ, Александръ Невскій. Иннокентій угодникъ, который въ Иркутскѣ.—все это боги.

— Врешь, Василій, ты ересть говоришь: это все святые но не боги: а Богъ-то у насъ одинъ.

— Ну, а *барилахъ* кто такой?..—спрашиваю я.

— Барылахъ—лѣшій, хозяинъ птицъ, звѣрей и лѣса.

— Ты видалъ его?

— Какъ же, видѣлъ, видѣлъ его въ лѣсу.

— Какой онъ изъ себя?

— Черный, большой—большой, выше лѣса. Съ черной большой—большой бородой и косматыми волосами, похожъ на русскаго важнаго мужика. Если онъ идетъ по лѣсу, значитъ, вѣтеръ тогда бываетъ въ лѣсу: дерево ему попадаетъ на дорогѣ, онъ пинаетъ его ногой и то съ трескомъ валится. Если ему не понравится мѣсто, гдѣ живутъ бѣлки, зайцы, лисицы и птицы, онъ ихъ перегоняетъ съ мѣста на мѣсто. Надъ человѣкомъ онъ часто въ лѣсу смѣется. Смѣхъ такой страшный—страшный. Страхъ забираетъ, когда онъ захлопаетъ руками и захохочетъ. Я годовъ пять тому назадъ ходилъ бѣлку стрѣлять съ собакой, хлѣба взялъ дня на два. Ну и стрѣляю: бѣлки много было. Но вотъ горе—хлѣбъ вышелъ: ѣсть хочу, а хлѣба нѣтъ. Вижу, что пора и домой идти. Собака, та сыта: убью бѣлку, обдеру и собакѣ. Вотъ ну день, ну другой: ночую съ собакой подъ лѣсиной. Слышу разъ барылахъ ночью хохочетъ во всю глотку, лѣсъ трещитъ: собака торопится, зубы скалитъ, лаетъ, бросается, а я ее отзываю и говорю: „чего ты, глупая, лаешь-то, вѣдь это барылахъ, съ нимъ ты ничего не сдѣлаешь, или лучше спи". Всталъ по утру, смотрю по сучьямъ, гдѣ сѣверная сторона, гдѣ полуденная: вижу, кажись, ладно иду: домой выбираюсь, а мѣста незнакомыя, до дому никакъ не могу добраться. Посмотрю опять на сучья, на сѣверъ они короче, на полдень длиннѣе, вотъ ужъ по моему близко домъ, а его нѣтъ и нѣтъ. Ну, значитъ, барылахъ меня водитъ. Убить

бѣлку, ободралъ ее и повѣсилъ на хребтѣ къ одинокой лѣсинѣ. Какъ рукой сняло. Сразу вѣдь вышелъ на дорогу и пришелъ въ зимовье якута Самсонова, онъ по Вилюйской дорогѣ живетъ верстъ за 70 отъ Олекмы. Самсоновъ меня напоилъ, накормилъ, я выспался, и пошелъ тайгой домой.

— Ну, а ты знаешь, Василій, кто такой *Уіччіта?*

— Какъ же, хорошо знаю. Это—чортъ водяной,—отвѣтилъ Иванковъ.—Живетъ онъ въ водѣ, людей топитъ.

— Ты видалъ его, знаешь, какой онъ?

— И видалъ и знаю. Онъ—черный мохнатый, на берегъ Лены выходитъ. На землѣ онъ человѣка боится и близко его къ себѣ не подпускаетъ; какъ завидитъ, такъ и въ воду. Я одинъ разъ шелъ съ собакой около Малой Черепанахи. Вижу Уіччіта сидитъ на берегу, на солнцѣ грѣется, мохнатый, черный, страшный такой. Собака моя бросилась къ нему, укусить хотѣла; Уіччіта какъ хватитъ когтями ее, такъ кожу съ бока и выдралъ съ мясомъ. Собака чуть-чуть не издохла, долго хворала.—Иногда чортъ, показывается черной уткой, а то и большой рыбой. Видалъ вѣдь, когда въ тихую погоду онъ кувыркается въ Ленѣ, только брызги идутъ. Это онъ радуется, значитъ, человѣкъ утонулъ. Чортъ съ лѣшимъ часто въ карты играютъ. Если чортъ проиграетъ, въ тотъ годъ рыбы въ рѣкѣ мало бываетъ, а если лѣшій, то въ лѣсу не бываетъ бѣлки, лисицы, горностая.

Много вредитъ нашему брату охотнику еще богъ Илья, потому, что онъ пужаетъ звѣря громомъ и прогоняетъ его отъ людей далеко, должно-быть, за грѣхи наши. Богъ Илья живетъ всегда на небѣ, онъ страшный, гремитъ и пужаетъ не только людей, но и нечистыхъ духовъ. Илья ѣздитъ по небу на большой телѣгѣ. Въ телегѣ сидитъ, а крылатые кони его возятъ. За богомъ Ильей всегда гоняются злые духи. Вотъ когда онъ ихъ увидитъ, возьметъ въ руки большущій камень, коней припугнетъ, а самъ камнемъ то и бросаетъ въ духовъ; камень летитъ на землю, злые духи туда же. Камень глубоко уходитъ въ землю вмѣстѣ съ духами, тамъ ихъ онъ и придавляетъ. За лѣто богъ Илья много ихъ перебиваетъ. Камни послѣ 3-хъ дней, когда духи совсѣмъ подохнутъ, улетаютъ обратно на небо.

Богъ Илья еще убиваетъ злыхъ духовъ изъ лука стрѣлами. Стрѣла такая бываетъ всегда огненная. Она, ежели попадетъ въ лѣсину, всю ее разобьетъ. Ежели попадетъ въ человѣка, или коня, аль въ корову тоже убьетъ. Стрѣла эта полезна бываетъ отъ испуга, когда ребенокъ испу-

жается и его начнетъ родимецъ бить: слѣдуетъ только водой со стрѣлы окатить ребенка, да въ ротъ ему налить воды, родимецъ то и перестанетъ трепать..

Стрѣла бога Ильи никогда не бьетъ въ полѣ бѣлой березы, а всегда лиственницу или сосну, рѣдко ель. Почему, ты думаешь?

— Не знаю,—говорю я.

— Въ книгахъ то развѣ не сказано объ этомъ?

— Не сказано.

— Какія же это книги, когда въ нихъ ничего не сказано о такихъ вещахъ. Худыя это книги, ничего не стоятъ. Видишь ли, въ березахъ то, не въ кажной, но въ старыхъ, всегда живетъ Ан-дойду итчитэ Ан-дарханъ хотунъ, это, значитъ, добрая женщина, которая дѣлаетъ добро людямъ, потому стрѣла Ильи всегда мимо летитъ березы, чтобы не убить Ан-дойду итчитэ...

—Какъ,—спрашиваю я,—по-якутски назвать бога Илью?

— Сюрдяхъ-тюгя-тоенъ *).

—А матерь Божія, дѣва Марія, какъ называется по якутски?

—Няльбяй-ан-кюбяй—хотунъ **).

— Ты знаешь—говорю я,—что у насъ одинъ Богъ; но только въ 3-хъ лицахъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святой.

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ мнѣ Иванковъ. Богъ Отецъ — это самый старый богъ, царь боговъ, называется Ытыкъ, живетъ всегда на землѣ, никогда не летаетъ на небо, а ему всѣ боги повинуются—и земные, и небесные. Второй богъ—Артъ-тоенъ-ага хозяинъ всѣхъ духовъ и злыхъ и добрыхъ, всегда живетъ на 9-мъ небѣ. Третій богъ—Юрюнь-ан-тоенъ—живетъ на 4 небѣ. Онъ, значитъ, бѣлый безгрѣшный богъ. Вотъ тебѣ и богъ въ 3-хъ лицахъ: это самые большіе боги.

У Юрюнь-ан-тоена есть помощникъ. Онъ называется Халланъ суруксутъ (небесный писарь), который пишетъ приказанія другимъ богамъ.

Кромѣ главныхъ боговъ, много еще другихъ меньшихъ и разныхъ ангеловъ. Такъ, Ильбись-ханъ-Егорій побѣдоносецъ, что помогаетъ русскимъ побѣждать турокъ. Ордахъ-Десегэй-джигылъ, по русски ангелъ, посолъ значитъ. Его боги посылаютъ на землю, кода люди шибко грѣшатъ; онъ

*) Богъ грома, до-христіанскій, языческій.

**) Богиня—матерь, до-христіанская, языческая.

предупреждаетъ людей о тѣхъ повѣтріяхъ, какія назначены богомъ. Другой ангелъ —Хань-Эяхситъ, его богъ посылаетъ на землю съ хорошими вѣстями, когда богъ желаетъ прекратить наказаніе, какое наложено на людей.

— Кому же, Василій, ангелы сообщаютъ извѣстія о наказаніяхъ и о прекращеніи ихъ?

— Шаманамъ, шаманамъ, а тѣ уже людямъ говорятъ.

Есть еще *Эяхситъ* — покровитель дѣтей. Онъ живетъ на восточной сторонѣ. Къ нему всегда обращаются безплодныя женщины, такъ какъ безплодіе у якутовъ считается наказаніемъ Божіимъ. Для того, чтобы ангелъ далъ дѣтей, женщина покупаетъ водки и другого угощенія, беретъ съ собой мальчика или дѣвочку и отправляется на восточную сторону, выбираетъ удобное мѣсто, разводитъ огонь, становится лицомъ на востокъ и говоритъ: „ани-тоонь-аяпь бэрэ міеха-ола эяхситъ-бэрдэръ", т. е. „прикажи богъ ангелу безъ грѣха дать мнѣ сына". Когда женщина это произнесетъ, сейчасъ же плеснетъ водки въ огонь. Богъ услышитъ молитву и дастъ ребенка безплодной женщинѣ.

У коровъ есть свой богъ. Это—*Соломанръ*, что значитъ женщина. Она очень добрая и большая госпожа. Къ этой богинѣ съ молитвой обращаются тогда, когда весной отлятся коровы. Хозяйка приготовляетъ сору (сквашенное молоко), беретъ сына, который уже на возрастѣ жениха, а если его нѣтъ, приглашаетъ сына сосѣда: даетъ ему въ руки масло и сору и говоритъ: „пойдемъ угонять Соломанръ". Затѣмъ идутъ на извѣстное мѣсто. Здѣсь хозяйка привязываетъ къ шесту лоскутокъ матеріи и втыкаетъ его въ землю, а потомъ говоритъ: „Соломанръ! Мы принесли тебѣ подарокъ, дай намъ много молока, масла, соры, тарэ и хаяку".—Послѣ этого выливаетъ въ разведенный огонь масло и сору. Если угощеніемъ Соломанръ бываетъ доволенъ, у хозяйки бываетъ въ то лѣто много молока, а если нѣтъ — мало.

Боги вообще любятъ жертвы. Напр., богу *Ытыкъ* приносятъ въ жертву коней. Дѣлается это такъ. Заболѣетъ у якута, положимъ, глаза, никакія лекарства не дѣйствуютъ; тогда онъ приглашаетъ шамана, который шаманитъ, какъ слѣдуетъ, а затѣмъ объявляетъ больному, что богъ-исцѣлитель велитъ отдать коня бѣлой масти богу Ытыкъ. Послѣ этого больной будетъ здоровъ. Жертвенный конь пускается на волю, ходитъ совершенно свободно, питается лѣ-

томъ на лугахъ, а зимой осиновой корой; проживетъ онъ годъ, много два, а потомъ издыхаетъ.

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ. Я жилъ въ Иркутскѣ; но искателя правды Василія Иванкова я не забывалъ.

Разъ пришелъ я со службы и занялся чтеніемъ какой-то книженки. Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась. Гляжу: заходитъ Иванковъ вмѣстѣ съ моей дочерью, гимназисткой. Переступилъ порогъ и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ:

— Чаемъ то меня напоишь?

— Напою,—отвѣчаю я.

— А я у тебя ночую.

— Ночуй.

Помолился затѣмъ онъ иконѣ и сказалъ:

— Здравствуй!

— Ты какъ сюда попалъ?

— Пріѣхалъ Богу молиться, къ Иннокентію угоднику, можетъ быть, совсѣмъ останусь у Иннокентія.

— А хозяйство какъ?

Все оставилъ сыновьямъ; старшему теперь ужъ 17 лѣтъ; можетъ вполнѣ работать.

— Гдѣ ты нашла его?—спрашиваю свою дочь.

— На мелочномъ базарѣ. Вышла я изъ гимназіи, иду на базаръ купить крупы и сахару; вдругъ вижу Иванковъ бѣжитъ, сломя голову, съ помоста, опрокинулъ у торговки лодку съ омулями, у другой—огурцы и лукъ разсыпалъ; торговки бросились за нимъ съ палками. Поднялся страшный шумъ, брань... всѣ кричатъ, орутъ: „держи его, братскую морду“! Одна торговка догнала Иванкова и ударила его палкой по спинѣ. Какой-то мужчина запустилъ въ него камнемъ. Иванковъ подбѣжалъ ко мнѣ, здоровается... Базарная публика обступила насъ и довольно недвусмысленно дала понять, что не мѣшаетъ братскую образину проучать да за компанію и меня. Еле-еле мы выбрались изъ этой толпы, на которую, къ слову сказать, Иванковъ не обращалъ ровно никакого вниманія, несмотря на то, что по спинѣ его нѣсколько разъ прогулялась палка....

Оказалось, что Иванковъ уже 3 дня, какъ пріѣхалъ въ Иркутскъ, остановился на постояломъ дворѣ по Ближовской улицѣ. И все время разыскиваетъ меня. Поиски его начались съ того, что Иванковъ вышелъ на Арсенальскій базаръ и обратился къ первому встрѣчному съ вопросомъ:

— Скажи мнѣ, гдѣ тутъ живетъ царскій преступникъ, который былъ у насъ прежде въ Олекмѣ.

Обошелъ онъ весь базаръ и каждому задавалъ этотъ вопросъ, но отвѣта ни отъ кого не получилъ. Наконецъ, кто-то посовѣтовалъ ему обратиться къ городовому.

—Ты городовой?—спросилъ его Иванковъ.

—Городовой. А ты кто?

— Я—Иванковъ.

— Что тебѣ надо?

— Царскаго преступника.

— Преступника?

— Да.

— У насъ много преступниковъ всякихъ. Тебѣ какого надо?

—Царскаго преступника, который жилъ у насъ въ Олекмѣ.

—Ахъ ты, братская рожа, тебѣ преступника надо! Пойдемъ-ка въ полицію.

Городовой взялъ Иванкова за шиворотъ и повлекъ въ 3-ю часть.

— За что? Какъ? Почему? Вѣдь я тебя мошенникомъ не назвалъ! Въ полиціи, навѣрно, исправникъ, онъ бить меня будетъ. Не пойду! Оставь!

Но городовой, не обращая вниманія на протесты, тащилъ Иванкова въ полицію. Во дворѣ полицейской части городовой далъ Иванкову здоровенную затрещину и доставилъ его предъ лицо помощника пристава Н. Л. Баранова.

—Ваше благородіе, вотъ эта братская морда ищетъ какого-то царскаго преступника. Я его арестовалъ, значитъ, для допроса.

— Ты кто такой?—спросилъ Иванкова—Барановъ.

— А ты кто? —вмѣсто отвѣта задаетъ вопросъ Иванковъ.

— Тебѣ это на что?

— Ты—исправникъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Барановъ.

— Помощникъ?

— Нѣтъ.

— Засѣдатель?

— Нѣтъ.

— Енералъ-губернаторъ?

Барановъ засмѣялся.

— Да откуда же ты пугало воронье?

—я то?

— Да.

Изъ Олекмы, крестьянинъ Василій Ивановъ. Пріѣхалъ къ богу Иннокентію святому помолиться.

— Паспортъ есть?

— Есть.

— Покажи.

— Вотъ онъ. Читай.

— Ты какого на базарѣ преступника искалъ?

— Да который у насъ въ Олекмѣ жилъ, царскаго преступника-я искалъ.

— Какъ его фмилія?

Ивановъ назвалъ мое имя и фамилію. Барановъ меня хорошо зналъ; зналъ онъ, гдѣ я живу и мѣсто моей службы. Поэтому онъ далъ Иванкову мой подробный адресъ. Но Ивановъ, незнакомый съ городомъ, запомнилъ только малый базаръ, на которомъ онъ и встрѣтился съ моей дочерью

На слѣдующій день Ивановъ рано утромъ отправился въ Вознесенскій монастырь, гдѣ разыскалъ епископа Агаоангела, которому заявилъ о своемъ желаніи поступить въ монастырь:

— Ваше превосходительство! Ты меня прими въ монастырь, я хочу богу Иннокентію молиться.

Ивановъ былъ назначенъ послушникомъ къ старцу Ѳедору. Старецъ принялъ его сурово,молчаливо.

Наступилъ вечеръ.

Старецъ далъ Иванкову 3 рубля и приказалъ:

—Иди въ деревню, купи мнѣ водки двѣ красоули, два фунта колбасы, сыру голландскаго да зайди въ домъ около лавченки и скажи теткѣ Аксиньѣ, чтобы она сейчасъ же шла къ старцу полы мыть.

Ивановъ все исполнилъ въ точности. Явилась тетка Аксинья, но полов ъ она не мыла, а сидѣла со старцемъ, пила водку и колбасой закусывала.

— Ты, братскій, иди къ вечернѣ, молись Богу, мнѣ тутъ больше не нуженъ,—распорядился старецъ.

По возвращеній отъ вечерни Ивановъ нашелъ пьянымп и старца и тетку Аксинью.

—Не хорошо, ваше высокопочтеніе, чтобы пьяная бабенка была у тебя въ кельѣ до поздней ночи,—сказалъ возмущенный Ивановъ старцу.

— Дуракъ! Не ваше высокопочтеніе, а ваше высокопреподобіе,—поправилъ старецъ. Да ты что же братская харя, вздумалъ меня еще учить? Вотъ тебѣ, скотина!

И развѣсистая оплеуха прозвенѣла по физіономіи Иванкова.

— Пошелъ вонъ, мерзавецъ!—кричалъ старецъ.

И новыя оплеухи....

Первую ночь Иванковъ переночевалъ въ монастырской столовой.

На слѣдующій день повторилась та же исторія. Такъ продолжалось почти съ недѣлю. Иванковъ все терпѣлъ, объясняя это испытаніемъ свыше.

Но всему бываетъ конецъ. Возмущенный до глубины души поведеніемъ старца, явился Иванковъ къ Агаѳангелу и сказалъ:

— Ваше превосходительство! Старецъ-то Ѳедоръ вовсе не святой человѣкъ, а шибко пьяница, бьетъ меня, съ бабой гуляетъ, а мнѣ не даетъ молиться Богу по ночамъ. Напрасно я сюда пріѣхалъ. Надо было дома молиться, а не здѣсь. Согрѣшилъ я, грѣшный: осуждаю этого старца. Да онъ, ваше превосходительство, хуже нашего исправника. Исправникъ у насъ, въ Олекмѣ, такихъ пѣсенъ не поетъ, какія поетъ старецъ съ пьяной бабой. Онъ живетъ у бога Иннокентія, и ему не надо водки пить, и съ потаскухами-бабами якшаться. Старецъ долженъ Богу молиться, душу свою спасать. Къ лицу развѣ ему пьяному пѣть: „Ужь ты, Марья, ты, Марья моя; раззадорила—задорила меня“! Богъ-то Иннокентій все видитъ; онъ убьетъ его, старца-то. И я сдѣлался теперь большимъ грѣшникомъ, потому что осуждаю его... Господи, помилуй меня!..

Владыка Агаѳангелъ, убѣдившись, что старецъ Ѳедоръ, дѣйствительно, пошаливаетъ и причиняетъ великій соблазнъ и безъ того нетвердому въ христіанскихъ воззрѣніяхъ Иванкову, велѣлъ помѣстить его въ столовую.

Здѣсь Иванковымъ уже распоряжались всѣ монахи и послушники, посылали его за водкой и поломойками

— Эй! Братская морда, вотъ тебѣ 50 копеекъ, купи на рубль водки и сейчасъ же сюда маршъ!

— Какъ же я, ваше почтеніе, могу купить водки на рубль, коли ты далъ мнѣ только полтину?

— Не разговаривай,—кричалъ послушникъ. Да не забудь, братская образина, десятокъ папиросъ прихватить, только хорошихъ. Понялъ, дуракъ?

. . . . . .

Издѣвательства по адресу Иванкова сыпались каждый день, а когда онъ приносилъ не тѣхъ папиросъ, какія потреблялись „ихъ почтеніями“, то за это исправно получалъ ьь шею.

— Для Бога, значитъ, терплю—говорилъ Иванковъ.

Но скоро и здѣсь его терпѣніе лопнуло.

У Иванкова, отлучившагося какъ-то въ Иркутскъ, украли мѣдный чайникъ, сахаръ и кирпичъ чаю. Возвратившись въ свою столовую, возмущенный кражей. Иванковъ кричалъ:

— Воры, мошенники, пьяницы, каторжные, зачѣмъ у меня чайникъ украли? Чайникъ стоитъ 4 р. 50 к., а вы его, пьяницы, украли. Побойтесь вы Бога-то! Вы у него, батюшки, живете, молитесь. Нѣтъ вы не молитесь, а только водку пьете да съ бабами путаетесь, атихристы, вы, окаянные!

— Ты это что, братская морда, ругаешься-то.—сказалъ одинъ послушникъ, подойдя къ Иванкову.

— Воры, мошенники, пьяницы! Чайникъ украли!

— Кто же это, братская образина, воры то?

— Вы, вы!

Въ результатѣ опять оплеуха.

Но Иванковъ, войдя въ азартъ, продолжалъ кричать:

— Воры, воры, мошенники, пьяницы!

— Бей его!—кричала братія.

Послѣ избіенія Иванковъ ночевалъ на полу, не раздѣваясь.

Рано по утру Иванковъ, лежа на полу, думалъ:

— Гдѣ-же хорошіе люди, гдѣ живутъ по правдѣ, а есть, должно быть. Почему это у бога Иннокентія все худые люди?

Этого вопроса Иванковъ рѣшить не могъ и пошелъ къ владыкѣ Агаѳангелу съ намѣреніемъ взять паспортъ и ѣхать обратно въ Олекму.

— Буду дома молиться.—говорилъ онъ по дорогѣ къ настоятелямъ.

— Ваше превосходительство! —сказалъ Иванковъ Агаѳангелу. У васъ все воры, все мошенники, все пьяницы, чайникъ украли, били меня; видишь, что они сдѣлали со мной, это все они наставили мнѣ синяковъ и кровоподтековъ. Развѣ я не такой же человѣкъ, какъ и они. У Бога всѣ равны, мнѣ это архирей Макаръ говорилъ. Давно это было, давно. Онъ у насъ мясо ѣлъ.

—А ты, ваше превосходительство, колбасу ѣшь?—неожиданно задалъ вопросъ Иванковъ.

— Я монахъ, мнѣ мяса ѣсть нельзя.

— А почему нашъ архирей ѣлъ?

— А ты водку пьешь?

— А бабы къ тебѣ вечеромъ ходятъ?

— Послушника своего бьешь?

Владыка потерялъ терпѣніе выслушивать подобный вздоръ Иванкова и сейчасъ же предложилъ ему уходить, куда ему угодно:

— Кляузникамъ не мѣсто въ обителп.

—Ты, ваше превосходительство, за что на меня сердишься? Я развѣ тебя обидѣлъ? Я ищу правды, справедливости и суда по душѣ, а ты за это называешь меня кляузникомъ Если бы тебѣ, ваше превосходительство, поваръ Васька или пьяница Перфишка побилъ морду, такъ ты бы что заговорилъ? Если собаку бьютъ палкой, она визжитъ, потому что больно. Я —человѣкъ! —кричалъ Иванковъ, громко протестуя противъ несправедливаго обвиненія и выходя изъ прихожей владыки.

Дорогой Иванковъ разсуждалъ про себя.

— У бога Иннокентія люди живутъ не по правдѣ, какъ и въ Олекмѣ. Почему же это такъ? Я думалъ, что чѣмъ ближе къ бѣлому царю, тѣмъ люди лучше и добрѣе, а на дѣлѣ выходитъ иначе. У насъ въ Олекмѣ царскіе преступники всѣ хорошіе, а вѣдь они преступники: значитъ ихъ царь сослалъ къ намъ за то, что они ему сдѣлали зло какое-то; если ужъ они хороши, то не преступники должны быть еще добрѣе и справедливѣе ихъ. Гдѣ же найти такихъ людей, которые по правдѣ живутъ?

Съ такими мыслями Иванковъ явился нежданно, негаданно ко мнѣ.

— А ты меня не выгонишь? —обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ.

— Я буду жить у тебя, воду таскать, дрова колоть, ты за это меня не прогоняй. До весны проживу, а тамъ на подводахъ уѣду въ Олекму, тамъ ужъ и буду молиться. Здѣсь, въ Иркутскѣ, у васъ люди всѣ злые, только и слова „братская морда, братская харя, братская образина“ и такъ-то всѣ норовятъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ дать по шеѣ. А вѣдь у Бога всѣ одинаковы, всѣ равны, что якутъ, татаринъ, то и русскій. Съ якутами лучше жить, они меня не оскорбляютъ, не бьютъ, а когда я

шаманю, они всего мнѣ даютъ и сѣна и телку, а другой даже и лисицу огневку.

— Неужели ты, Иванковъ, будешь еще шаманить?

— Буду, буду,—отвѣчалъ мнѣ Иванковъ.

— Да ты православный, русскій, олекминскій крестьянинъ?

—Ну, что же изъ этого; вѣдь ты поймн, что съ якутами лучше жить....

Передо мной стоялъ во весь ростъ искатель правды, разбитый въ своихъ лучшихъ надеждахъ, оплеванный и уничиженный.... Это дитя природы, съ врожденной яркой искрой правды и наивностью честнаго, неиспорченнаго дикаря.

Мнѣ было жаль его, жаль до глубины души....

М. Овчинниковъ.

ВЫПИСКА ИЗЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ, ПОСЛАННАГО ОТЪ 22 МАРТА СЕГО ГОДА, НАЧАЛЬНИКУ ПЕКИНСКОЙ МИССІИ ОТЦУ АРХИМАНДРИТУ ПАЛЛАДІЮ. 1).

По секрету и по долгу присяги, чистой священнической христіанской совѣсти.

Пріемъ и житіе въ Ургѣ перваго Пекинскаго Миссіонера, командированнаго для отправленія Богуслуженія и Христіанскихъ требъ .

Выѣхавъ изъ Пекина 28 Августа 1865 года, я путешествовалъ до Урги одинъ безъ проводника и переводчика, по владѣніямъ Китая, по дикимъ и пустыннымъ Гобійской и Монгольской степямъ круглый мѣсяцъ, питался надеждою, приплывъ къ тихому пристанищу, найти укромный уголокъ, русское радушіе и кусокъ хлѣба, растворенный любовію. 28 Сентября Богъ судилъ мнѣ благополучно пріѣхать въ Ургу.

Первое впечатлѣніе.

Консулъ Урги, титулярный совѣтникъ, Яковъ Парсенычъ г. Шишмаревъ, съ супругой своей Маріей Николаевной г Шишмаревой, приняли меня весьма холодно. Потомъ повели меня въ жилище, приготовленное для меня. Боже мой! что это?—Грязная, немытая и невыметенная комната, съ такимъ же столомъ, четырьмя стульями и кроватью. Вся преисполнена блохъ, вшей, клоповъ и таракановъ, какъ необходимаго наслѣдія послѣ жительства монголовъ. Два окна

---

1) Отправлена въ Синодъ, Митрополиту и Оберъ-Прокурору.

на дворъ, съ выбитыми стеклами, гдѣ во вѣки не бываетъ солнца, подъ окнами же цѣлыми кучами соръ, навозъ и помои. Переночевавъ, какъ посмотрѣлъ я на новое шерстяное одѣяло, Боже мой! все усыпано блохами, какъ макомъ. Посмотрѣлъ на сорочку,—и сорочка изъ бѣлой за ночь сдѣлалась чисто ситцевая. Ну, видно, что ожидали священника. 2) Что тутъ-то дѣлать? Дѣло то такого рода, что совѣстно и хозяину говорить, чтобы и себя да и его не сконфузить. Приходитъ ко мнѣ по утру Секретарь Василій Антоновичъ г. Борзаковскій, которому я не утерпѣлъ, чтобы не пожаловаться на такое неудобство помѣщенія. Г. Секретарь, принимая участіе въ моемъ положеніи, со вздохомъ и соболѣзнованіемъ сказалъ: „да знаете-ли, отецъ Сергій, гдѣ для васъ была приготовляема квартира?

—А гдѣ?

—Въ кухнѣ, гдѣ окна до половины забиты навозомъ, столь, двѣ скамейки, да полуразвалившаяся печь съ плитою. Вѣрьте, какъ благородному человѣку, что и этой-то квартирой вы обязаны мнѣ.

Не могу умолчать, что консулъ не стыдился говорить мнѣ лично, что онъ назначалъ для помѣщенія моего кухню. Не утерпѣлъ я, чтобы не посмотрѣть, да и посмотрѣлъ. Видно, что ожидали священника. Теперь въ той кухнѣ живутъ чернорабочіе, и какъ сказано. Ну, подождать нужно, дѣлать нечего, авось либо Богъ поможетъ пріютиться куда-либо, хотя и въ маленькій, но чистенькій уголокъ. Живу недѣлю, другую и третью: хозяева не догадываются 3). Стало быть, нужно хлопотать:—дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Дѣлаю предложеніе консулу, и прошу его покорно помѣстить меня, хотя въ передней, гдѣ проѣздомъ черезъ Ургу ночевали мы съ отцемъ Герентіемъ. Консулъ, разовъ съ десять сдѣлавъ —гм, гм, гм, да-а-а-а, тамъ неудобно, а-а-а-а, вотъ, неугодно ли на этой сторонѣ такая же передняя, да кстати тутъ же и церковь. Чему я сердечно обрадовался: по крайней мѣрѣ—два окна на полдень, да чистенькая комната. Не прошло и двухъ дней, какъ отрядный командиръ объявилъ мнѣ, что печь эта болѣе казенными дровами отапливаться не будетъ, а потому неугодно-ли позаботиться купить своихъ дровъ, да поскорѣе. На столь безцеремонное предло-

---

2). Меня всѣ называютъ священникомъ.
3). Консулъ.

жніе, я командира пригласилъ присѣсть, посудить, да поговорить, и началъ съ нимъ такую рѣчь:

—Передняя эта составляетъ прихожую церкви?

—Такъ, точно-съ.

—А кто долженъ отапливать церковь,—священникъ, или консульство?—Я думаю, что консульство.

—И я думаю точно также.

—А какъ же вы запретили отпускать дрова, и приказываете мнѣ поскорѣе закупить дровъ? Если бы консулъ отдалъ мнѣ всю эту квартиру, тогда бы я отапливалъ ее, настоящее же время мнѣ отапливаться и церковь отапливать —безъ малаго что конфузить нужно консульство.

— Такъ, точно-съ.

—Такъ вы подумайте объ этомъ предметѣ получше. Вотъ, у меня нѣтъ помѣщенія и для человѣка,—ни кухни, ни кладовой, и совершенно никакихъ удобствъ, такъ что и вещей положить негдѣ. Пока лежатъ онѣ въ Молитвенномъ Домѣ, но тамъ лежать имъ всегда неприлично.

— Такъ, точно-съ.

—На другой день консулъ явился ко мнѣ съ предложеніемъ, не угодно-ли мнѣ перебраться во флигель, гдѣ должна быть и церковь. Чему я былъ радъ и благодаренъ ему, о чемъ писалъ и вамъ,—что судьба неожиданно устроила меня. Во флигелѣ я устроился очень хорошо, и Молитвенный Домъ на своемъ мѣстѣ. Все это видѣлъ проѣздомъ отецъ Нилъ: и вотъ какими судьбами попалъ я во флигель. Здѣсь все содѣйствіе, и вниманіе, и благодаяніе консула. Слѣдовательно, чтобы поясненѣе было: по пріѣздѣ въ Ургу и по то время, воспользовался я отъ консульства такими благодаяніями: два дня напоили меня чаемъ, дали одну сальную пятериковую свѣчку, да недѣлю ходилъ ко столу, и то потому только, что и за деньги негдѣ купить и ломтя хлѣба, гдѣ на опытѣ Богъ судилъ мнѣ испытать, куда какъ горекъ чужой хлѣбъ! Но я себя веду такъ, какъ будто ничего не понимаю и не замѣчаю.

Вспомнить, осталось за мною еще одно благодѣяніе: съ четырехъ возили мнѣ воду на мой дворъ кругло три мѣсяца. Съ пятаго же мѣсяца, когда морозы зашли за 30 градусовъ, перестали и воду возить. Что тутъ-то дѣлать?—Лошадь или быка купить негдѣ, водовоза нанять негдѣ, купить воды негдѣ. Правда, можно было бы покупать воду у отрядныхъ монголовъ, которые имѣютъ лошадь, и возятъ на ней воду для себя; но эти безбожники и за деньги не согласились обезпечивать меня водою, которая на разстояніи 7 верстъ

отъ консульства. Болѣе ничего не оставалось, какъ только просить содѣйствія у консула. Посылаю письмо, въ надеждѣ облегченія. Но что же въ отвѣтъ на это? У консула достало духу, не принявъ письма, прогнать человѣка съ приказаніемъ, чтобы онъ никогда не смѣлъ приносить ему писемъ отъ священника. Слуга мой возвратился, повѣсивши голову, и все разсказалъ. 4). Но, несмотря на это величайшее прискорбіе, я опять пошелъ тѣмъ же путемъ, какъ будто ничего не знаю и не понимаю. Вотъ напримѣръ: былъ у насъ отецъ Несія; а что онъ замѣтилъ? Ровно ничего, а вмѣстѣ обѣдали и ужинали у консула. Это мое безусловное терпѣніе—никому ничего не говорить до времени. Все хорошо, и дѣлу конецъ. Пробиваюсь кое-какъ,—то ледку, то снѣжку слуга принесетъ. Но вотъ, Богъ милостивъ, скоро у меня будетъ и быкъ свой, съ монгольской повозкой и сбруей, тогда и это лишеніе восполнится. Но замѣчаю, что благоугодіе мое нерѣдко заставляетъ конфузиться г. консула. Полагаю, что есть здѣсь что-либо извнѣ. Вы, можетъ быть, лучше меня отгадаете.

Условія жизни ургинской требуютъ непремѣнно имѣть свою лошадь съ повозкой для выѣзда въ Курень, Маймачень 5) и по окрестностямъ для знакомства съ монголами, такъ какъ нанять негдѣ, а отъ консульства и ожидать нечего, хотя пѣшкомъ иди въ Курень за 7 верстъ, все равно, такъ какъ ни разу не дали мнѣ лошади:—нужно быка для воды, но для него нужно и сѣно. А гдѣ ихъ поставить, гдѣ отъ дождей укрыть дрова? Нѣтъ ни сарайчика, нѣтъ ничего. Вотъ устроился въ одномъ флигелѣ; это стоитъ мнѣ съ кухнею 60 руб., да и церковь вполнѣ на своемъ мѣстѣ Она уже освѣщена четырьмя таинствами: крещеніемъ, причащеніемъ, покаяніемъ и бракомъ—пребываніемъ въ ней св. запасныхъ даровъ, св. мура и св. антиминса, да и христіане всѣ привыкли къ ней. Теперь же консулъ выживаетъ меня въ другой флигель, потому только, что мою квартиру хочетъ занять отрядный командиръ 6) Безъ выраженія я перейду, но прошу исправить печи, во избѣжаніе пожара, которыя почти развалились, да оприличить хотя сколько-либо комнату, куда консулъ приказываетъ переселести Молитвенный Домъ, такъ какъ она вся загажена грязь-

---

4). Изъ этого можно заключить, что консулъ желалъ видѣть въ миссіонерѣ своего раба.

5) Слободы въ 7-ми верстахъ отъ консульства.

6). Монголо-бурятъ язычникъ.

ными монголами. Что же касается до церкви,—на моей душѣ тяжело виднѣть, какъ поверхностно обращаются со святыней.

Въ настоящей моей квартирѣ, подъ праздникъ Рождества Христова, было случился пожаръ въ кухнѣ отъ плиты, которая сложена на одинъ кирпичъ отъ деревянной стѣны. Плита была разломана, пожаръ потушенъ, но плиту сложилъ мой человѣкъ, какъ умѣлъ, а консулу, какъ хозяину, и дѣла нѣтъ: поговорили о пожарѣ, да и замолчали: а что въ другомъ флигелѣ, куда выживалъ меня консулъ, точно также сложена плита, опять никому и дѣла нѣтъ. Словно, въ Уригѣ люди не живутъ, а отживаютъ. Были и такіе случаи, но новости, не собравшись съ силами на хозяйство, я обошелъ посылать на кухню консульскую—попросить ломоть хлѣба взаймы, какъ говорится, такъ какъ печенаго хлѣба купить негдѣ; но оттуда приходили ни съ чѣмъ, а съ однимъ отвѣтомъ: „барыня ничего не приказала отпускать священнику“, и спасибо вольнонаемнымъ казакамъ христіанамъ: въ нуждѣ выручали меня. Консулъ, съ самаго пріѣзда моего, хотѣлъ навѣсить замокъ на мои ворота, съ тѣмъ, чтобы отрядный начальникъ замыкалъ ежедневно въ 8 часовъ вечера и бралъ къ себѣ ключъ: по утрамъ же свидѣтельствовалъ и отмыкалъ бы—не попортилъ ли замокъ, хотя моя задняя сторона консульства огорожена была вмѣсто заборовъ жердями и хотя прочіе ворота не только не запирались, за неимѣніемъ крюковъ и петель, но, до пріѣзда моего, никогда и не было подобнаго распоряженія. О чемъ долгими разсужденіями съ консуломъ, въ заключеніе я счелъ за униженіе для моего сана согласиться на подобное предложеніе. Вслѣдствіе чего консулъ и долженъ былъ сознаться въ своихъ неумѣстныхъ предпріятіяхъ. Окрестилъ сына, но они, по гордости своей, за низкое почли сказать и обыкновенное спасибо. За деньги же 150 руб., 7) истраченныя мною на путевыя издержки, жена его почти выцарапала мнѣ глаза: куда такъ много издержалъ я денегъ, несмотря на то, что я еще купилъ на свой счетъ повозку за 50 руб., и содержалъ себя цѣлый мѣсяцъ. А, между тѣмъ, все-таки живемъ, да, пускай, хотя добрые люди не знаютъ. И за то слава Тебѣ, Господи!

---

7) Проѣздъ изъ Пекина былъ на счетъ консульства

О Молитвенномъ Домѣ.

Съ невыразимымъ потрясеніемъ сердца я долженъ сказать, чтобы къ Дому Молитвы не оказано никакого ни усердія, ни благоговѣнія. По пріѣздѣ, я нашелъ Молитвенный Домъ немытый, загрязненный монголами. Хлопоталъ, хлопоталъ, чтобы вымыть, и наконецъ предъ самою первою службою едва нашелъ двухъ казаковъ, которые, спасибо, послушались и вымыли. Нѣтъ иконъ,—поставилъ свои, нѣтъ подсвѣчниковъ,—поставилъ свои; нѣтъ коврика,—послалъ свой дорожный войлокъ: нѣтъ колецъ и замка Молитвеннаго Дома, дабы монголы, по привычкѣ, не ломились толпами,—купилъ на свои деньги. И это ли усердіе создателей къ храму Божію и къ Дому Молитвы! Вотъ за полгода едва, едва выпросилъ двѣ иконы да коврикъ. Пришла зима,—понадобились мнѣ подсвѣчники, просилъ, просилъ у строителей на бумагѣ храма, и наконецъ, вынужденъ былъ купить на свои деньги два подсвѣчника, которыя и по днесь стоятъ на столѣ въ Домѣ Молитвы.

Сначала былъ прикомандированъ къ Молитвенному Дому человѣкъ, въ родѣ церковника, съ небольшимъ жалованьемъ, въ которомъ, впрочемъ, скоро было ему и отказано. Вслѣдствіе чего я долженъ былъ замѣнить слугу отъ консульства своимъ человѣкомъ, и безъ всякаго уже вознагражденія за трудъ со стороны консульства. Всегда служу, пою и читаю почти одинъ. Приспособилъ одного изъ учениковъ и давалъ ему въ награду за то по 2 руб. ежемѣсячно; но и тотъ нынѣ требуетъ отъ меня болѣе положительнаго жалованья, а кромѣ его не за кого и взяться. Позаботиться же объ этомъ дѣлѣ никто не хочетъ, какъ показываетъ самое дѣло. Всѣ христіане, всѣ купцы пріѣзжіе и проѣзжіе дивятся да и только. На Пасхѣ было очень довольно пріѣзжихъ купцевъ, и всѣ не могли надивиться, что я одинъ совершаю все богослуженіе. Дрова для отопленія Молитвеннаго Дома были выдаваемы цѣлую зиму не безъ огорченій. Командиръ язычникъ завѣдываетъ всею хозяйственною частію. Посылаю къ нему за дровами и въ отвѣтъ получаю: „а гдѣ я буду брать для него дровъ?“ Посылаю въ другой: приходитъ командиръ (на моемъ дворѣ лежали казенныя дрова), откладываетъ четыре полѣна.съ приказаніемъ: „вотъ вамъ четыре полѣна, чтобы было на два мѣсяца, болѣе двухъ разъ въ недѣлю отнюдь не топить“.

По пріѣздѣ моемъ, я сталъ обращаться съ просьбами къ консулу: но онъ принялъ такую политику: начала сдѣлаетъ разовъ десятокъ: гм-гм-гм — да-а-а-а,

потомъ уже услышишь отъ него: „обратитесь къ отрядному“. Хорошо-съ, обращаюсь къ отрядному, а тотъ, какъ язычникъ, не хочетъ обращать и вниманія на мои просьбы. Но нѣтъ худа безъ добра. Тотъ не воинъ, кто бѣжитъ съ поля сраженія. При такой обстановкѣ, необходимость заставила меня покориться всему и выдержать себя достойно назначенію, а тѣмъ болѣе въ такой странѣ, гдѣ только этимъ и можно споспѣшествовать всему. При стеченіи подобныхъ обстоятельствъ у меня начинаетъ вырабатываться такой взглядъ на христіанъ въ консульствѣ: если затѣяли строить церковь, есть на лицо и священникъ, въ такомъ случаѣ не мѣшало бы усиливать и русскій христіанскій элементъ. Полагаю, что *Высшее Начальство* о развитіи только этой мысли и заботится. На дѣлѣ же какъ посмотришь, что въ отрядѣ, состоящемъ изъ 23 человѣкъ, только три христіанина, а прочіе и начальникъ—все язычники; да еще какъ и тѣ жалкіе придутъ ко мнѣ *просить защиты отъ притѣсненій, то невольно раждается голосъ*: по какому случаю Русское Консульство набито язычниками, и вполнѣ преобладаетъ монгольскій элементъ надъ русскимъ? Обратите на это вниманіе, Ваше Высокопреподобіе. Въ царскіе дни на молебенъ являются только три русскихъ казака, почему и случалось спросить: гдѣ же прочіе? Ушли въ Курень на поклоненіе бытэну или Майдэру 8) Что-жъ? Правы и во всемъ правы. Они язычники, они знаютъ и религію свою. По своей религіи, они смотрятъ съ какимъ-то негодованіемъ и на русскихъ.—опять не виноваты, не виноваты потому, что ихъ посылаютъ. А консулу прежде всего слѣдовало бы обратить на это строгое вниманіе.

Описываю Вашему Высокопреподобію обстоятельства, сопровождающія мою жизнь въ Ургѣ, не потому, чтобы я предавался скорби, или жаловался Вамъ. Нѣтъ, я поставилъ для себя задачей,—во что бы то ни стало, и какъ бы-то ни было—заставить себя быть ко всему благодушнымъ и равнодушнымъ. Пишу же потому, что Вы есть Начальникъ, которому нужно знать и видѣть не одну поверхность, не одинъ лоскъ, а самую суть, всю сокровенность, дабы Вы, получивъ власть отъ Бога и отъ правительства, могли судить обо всемъ безошибочно, и прошу Васъ покорно принять только къ свѣдѣнію Вашему.

---

8). Языческіе боги.

Я же въ Ургѣ желаю жить и служить вѣрою и правдою. Высоко цѣню мою службу и дорожу ею. Молю Господа, чтобы Онъ вразумилъ меня быть полезнымъ, сообразно съ назначеніемъ нашимъ. Къ Ургѣ меня приковываетъ, за исключеніемъ климата, природы и простору, особое какое-то чувство. Всего же дороже для меня то, что христіане всѣ преданы мнѣ, какъ родные мои дѣти, и почитаютъ меня, какъ отца. Впрочемъ, я ихъ во всемъ предупреждаю, и какъ бы предрасполагаю къ тому. Придерживаясь слова Божія, чувствую, что можно стоять такъ твердо, какъ грань непреоборимъ. Сынъ Божій приходилъ на землю не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить для всѣхъ. Молю Всевышняго Создателя, прошу и Вашихъ Святыхъ молитвъ, чтобы подобное настроеніе въ душѣ моей развивалось болѣе и болѣе, и принесло бы хотя скудный, но духовный плодъ.

Церковь наша начнетъ строиться еще, быть можетъ, года черезъ два, или черезъ три, или лучше никто не знаетъ когда. Что же касается до Молитвеннаго Дома, то едва-ли еще и будетъ онъ строиться.

Можетъ быть, я своею откровенностію навѣялъ на Вашу благородную душу непріятное впечатлѣніе,—прошу покорно извинить меня изъ разумнаго сознанія. По моему убѣжденію Вамъ, какъ Начальнику, нужно знать все, и болѣе ни кому.

Съ подлиннымъ вѣрно:
Іеромонахъ Сергій,
Членъ Пекинской Д. Миссіи.

22 марта 1866 года.
Урга.

ИРКУТСКІЙ ХЛЕСТАКОВЪ.
(„Секретный посланникъ“).

Въ 1860 году по „важной“ подорожной пріѣхалъ въ Иркутскъ въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ нѣкто Владиміръ Петровичъ Ѳедоренко. Сдѣлавъ нужные визиты по главному начальству и именитымъ гражданамъ города, пріѣзжій вошелъ въ мѣстное аристократическое общество, какъ свой человѣкъ. Располагая значительными деньгами, Ѳедоренко началъ задавать балы, обѣды, пикники, на которыхъ присутствовало все лучшее общество Иркутска. Генералы, полковники, купечество постоянно гостили у него. Любезный и гостепріимный хозяинъ-гвардеецъ былъ ко всѣмъ всегда ласковъ, предупредителенъ, умѣлъ каждому сказать

что-нибудь пріятное. Его наружность, общій тактъ поведенія выдавали въ немъ человѣка бывалаго въ хорошемъ кругу, онъ всѣмъ нравился. Кто онъ, откуда, зачѣмъ пріѣхалъ и для чего никто не зналъ, всѣ только сознавали, что это какая-то важная персона. Тихонько передавали, что онъ секретный правительственный посланникъ. Спросить его о цѣли пріѣзда въ Иркутскъ всѣ считали неприличнымъ и, откровенно говоря, побаивались его. „Да и зачѣмъ спрашивать и знать, кто онъ такой. Его жизнь, поведеніе, а главное трата денегъ на угощеніе доказывали, что онъ человѣкъ не изъ простыхъ смертныхъ и вотъ большинство предъ нимъ раболѣпствовало, стараясь сдѣлать ему что-нибудь пріятное: у каждаго была въ головѣ мысль: „а что, если найдетъ о чемъ-либо донести въ Питеръ?“

Истративъ крупную сумму денегъ, важный сановникъ началъ брать взаймы у иркутскихъ знакомыхъ порядочныя суммы—„пока не переведутъ изъ Питера“—и временно поддерживалъ свою роскошную жизнь, угощая однихъ за счетъ другихъ. Не дать ему знакомые не могли, потому что: какъ „ему“ не дать, вѣдь „онъ“ „не изъ простыхъ“

Вдругъ по городу пошелъ слухъ, что „онъ“ хочетъ ѣхать для обозрѣнія Якутскаго края: дѣйствительно, онъ уѣхалъ. Слухъ о поѣздкѣ важной особы шелъ далеко впередъ его. На Ленѣ всѣ, считая его за высшую правительственную особу, воздали ему всевозможныя почести, встрѣчали торжественно при колокольномъ звонѣ, чему много содѣйствовала блестящая гвардейская форма, которой на Ленѣ никто никогда и не видалъ. По неизвѣстнымъ намъ причинамъ Онъ-хоренко съ полпути возвратился назадъ, можетъ быть, ему надоѣло „ломать“ изъ себя важную особу, а, можетъ быть, онъ успѣлъ пополнить свой кошелекъ: только онъ вновь появился въ Иркутскѣ.

Вновь пиры, обѣды, шикъ, шампанское разливной рѣкой... Затѣмъ, онъ начинаетъ увлекаться картежной игрой... Однажды въ разгарѣ спора о невѣрномъ ходѣ полковника С. стрѣляетъ въ него изъ револьвера и тяжело его ранитъ. Общество заволновалось, полиція осмѣлилась спросить, кто онъ, откуда, по какимъ документамъ? Корнету волей-неволей пришлось раскрыть свое инкогнито. Онъ оказался просто искателемъ приключеній отставнымъ корнетомъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи по фальшивой подорожной.

Понятное дѣло, что „корнетъ“ изъ своего палаццо вскорѣ былъ переселенъ въ тюрьму; общество въ конфузѣ, что позволило себя поддѣть на удочку и ради денегъ принимало

его за секретнаго посланника и боялось промолвить про него лишнее слово.

Федоренко и въ тюрьмѣ жилъ привѣваючи, такъ какъ матушка его, богатая генеральша-помѣщица, часто посылала ему деньги. Въ его камерѣ въ большихъ кадяхъ зимою и лѣтомъ красовались зеленыя сосновыя деревья, со стола не сходили дорогія вина и закуски, а узникъ все время лежалъ въ качалкѣ, мечтая о прошломъ, когда онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ, какъ сумѣлъ ловко поставить себя въ обществѣ, какъ его со звономъ встрѣчали при поѣздкѣ на Лену....

Но скоро матушка перестала высылать субсидію, тогда вина сошли со стола и началась другая жизнь. Узникъ началъ молиться, часто посѣщать тюремную церковь, пожертвовалъ на позолоту иконъ часть имѣвшейся у него серебряной посуды, пожертвовалъ въ церковь и свои пикарныя кресла. По старому знакомству съ купцами набралъ у нихъ ковровъ и устлалъ ими церковь, а когда купцы пришли получать за нихъ деньги, онъ ихъ выгналъ.

Здоровье его стало мало по малу ухудшаться, онъ надѣялся получить свободу, тѣмъ болѣе, что сидѣлъ уже около двухъ лѣтъ, а тутъ пришло рѣшеніе суда о ссылкѣ его въ Тобольскую губернію на поселеніе. Этого онъ не могъ вынести и заболѣлъ,—послѣдніе дни своей жизни провелъ въ нищенскомъ положеніи на больнично-арестантской койкѣ, что представляло большую разницу съ его бурно прожитой жизнью.

21 мая онъ принялъ елеосвященіе, а 23 умеръ. Простой деревянный больничный гробъ былъ поставленъ на дроги, которые везла на кладбище старая, уставшая лошадь, а рядомъ съ дрогами шли два тюремныхъ служителя для засыпки могилы, разсуждая о бренности всего земного, что вотъ два года тому назадъ покойникъ былъ красою общества, всѣ предъ нимъ заискивали, а теперь и проводить некому... Встрѣчавшіеся простолюдины снимали шапки и крестились, говоря: „кого-то везутъ“?

И. Можедѣ.

СТАРИННАЯ СВАДЬБА ВЪ С. РЫБИНСКОМЪ КАНСКАГО УѢЗДА, ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ.

1 Сватовство.

Лѣтъ 40 тому назадъ въ с. Рыбинскомъ свадебныя церемоніи были другими по сравненію съ нынѣшними временами.

Собираются мать и отецъ жениха, берутъ близкую съ своей стороны, т. е. или сестру или тетку,--потомъ берутъ 2 человѣкъ съ той квартиры, въ которой остановятся, когда пріѣдутъ въ деревню, гдѣ живетъ невѣста. Приходятъ къ невѣстѣ, помолятся Богу и говорятъ:

— Здравствуйте!

Имъ отвѣчаютъ:

— Пожалуйте, пожалуйте!

— Мы съ добрыми дѣлами да со сватаньемъ. Не отдадутъ ли здѣсь замужъ Марію Ивановну за Ивана Ивановича.

Въ отвѣтъ на это хозяева предлагаютъ гостямъ присѣсть подъ матку *).

Садятся. Сидятъ молча, какъ бы въ раздумьѣ. Затѣмъ снова спрашиваютъ:

—Что же вы намъ скажете?

— А вотъ самоварчикъ поставимъ, чайкомъ напоимъ, вотъ тогда и поговоримъ о дѣлѣ,—отвѣчаютъ родители невѣсты.

Ставятъ самоваръ.

За чаемъ сваха и отецъ съ матерью хвалятъ сына, хозяйство и увѣряютъ, что невѣстѣ у нихъ житье будетъ хорошее.

— Ты, матушка,—обращается къ невѣстѣ будущая свекровь,— не подумай, что ты будешь у меня за мѣсто невѣстки: нѣтъ, ты будешь у меня родимой доченькой. Дѣлать то я, матушка, сама все могу, сама въ силахъ, сама все сдѣлаю, утромъ будить рано не буду. И не подумай, родимая сватьюшка, что я все вру.

— Да я, голубушка, много чула **) про тебя хорошаго да только какъ женихъ понравится невѣстѣ.

— Мы покажемъ жениха, онъ у насъ съ собой.

— Да вы идите домой,—говорятъ родители невѣсты,—а мы подумаемъ.

Гости удаляются, а часа черезъ два опять приходятъ и повторяютъ тотъ же разговоръ.

— Ну, что же, сватьюшка родимая,—говоритъ мать невѣсты,—вѣкъ прожить—не поле переѣхать. Вѣдь она у насъ не все умѣетъ, не всему научена, а съ нее все взыщется.

Сваха.

—Что ты, родимая сватьюшка, да я тебѣ говорю, что ничего этого не будетъ.

---

*) Маткой или матицей называется потолочная балка.

**) Т. е. слышала.

— Да у нея и лопати ***) мало, не все справлено.

— Мы знаемъ,—говоритъ сваха,—весь вашъ родъ и не за лопатью гонимся и не она намъ нужна, а человѣкъ!

Семья невѣсты въ это время какъ бы совѣтуется между собой:

— Ну, что, какъ будемъ рѣшать?

Затѣмъ, обращаются къ невѣстѣ:

— Ну что же, Маша, мы хотимъ тебя просватать.

Невѣста начинаетъ плакать и говоритъ:

— Да что я вамъ надоѣла что ли?

— Да что же, Машенька, время пришло, что же держать, жениха хвалятъ, вотъ приведутъ—посмотришь.

— Ну, что же, какъ хотите, вы больше знаете,—говоритъ невѣста.

Послѣ этого сваха уходитъ за женихомъ. Когда женихъ приходитъ, повторяется этотъ же разговоръ. Наконецъ, невѣста даетъ согласіе:

— Что же, вы больше знаете...

А если женихъ ей не нравится, то сейчасъ же отказываютъ.

2. Рукобитье.

Если женихъ понравился невѣстѣ и ея родителямъ, тогда происходитъ *рукобитье*. Женихъ даетъ руку невѣстѣ, отцу ея и матери, зажигаютъ свѣчи передъ иконами и молятся Богу. Потомъ садятъ за столъ жениха съ невѣстой рядомъ, сами садятся и сговариваются, когда будутъ смотрины, потомъ условливаются, чьи должны быть дары,—невѣстины или жениховы; обсуждаютъ, кому что подарить. А женихъ и невѣста во время сговоровъ сидятъ молча.

Послѣ сговора гости уѣзжаютъ и готовятся къ смотринамъ. Водка, закуска, конфекты, орѣхи и пряники отъ жениха. Невѣста и ея родители приготовляютъ и своего кое чего, собираютъ родню невѣсты и сходятся къ смотринамъ.

3. Смотрины.

Смотрины бываютъ вечеромъ черезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья. На смотринахъ поютъ различныя пѣсни Если невѣста сирота, то поются пѣсни сиротскія, а если не сирота, то всегда веселыя.

I.

По травкѣ, по муравкѣ,
По лазоревымъ цвѣточкамъ,
По раскрашенымъ камешечкамъ,
По калиновымъ мосточкамъ,—

***). Одежды.

Тутъ катилася карета,
Не простая—золотая.
Что во этой, во каретѣ,
Что не князь сидитъ съ княгинюшкой,
Молодецъ съ красною дѣвицей;
Что дѣвушка плачетъ,
Ванюшка унимаетъ:
— Не плачь ты, не плачь, Маша,
Не въ чужіе люди ѣдешь,
Ты отъ батюшки ко свекору,
Отъ родимой ко свекровкѣ;
Что у свекра жить вольнѣе,
У свекровушки нѣжнѣе:
Куда пойдешь—все спросися,
Отколь придешь—все скажися...
— Ужъ и чортъ эта неволя!
А у матушки жить нѣжнѣе,
А у батюшки жить вольнѣе:
Куда пойдешь—не спросися,
Отколь придешь—не скажися.
Что не ленточка то къ стѣнкѣ льнетъ,
Ванюша Машеньку къ сердцу жметъ:
Спрашиваетъ: „ты скажи, Машенька,
Кто тебѣ изъ роду милъ?“
— Ужъ милъ то, милъ мнѣ Ванюшка!

II.

(*Сиротская*).

Ужъ какъ есть то во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во сиротской то новой горницѣ:
Ужъ кабы былъ у меня родимый батюшка,
То не тѣ то бы были столы ставлены,
Что не тѣ то бы скатерти браныя,
Что не тѣ то бы гости званые.

III.

Полно намъ, ребята, чужо пиво пити;
Не пора ли намъ, ребята, свое заводити.
У насъ солодъ на овинѣ, а хмѣль на тычинѣ,—
На тычинѣ, на тычинѣ—на самой вершинѣ.
Тычинушка къ землѣ гнется, хмѣлинушка вьется:
Опустилась, обломилась на мать сыру-землю.
Не сплетайся, не свивайся травка съ повеличей,
Совывайся, совывайся молодецъ съ дѣвицей.
Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла;
Она ростомъ невеличка, лицомъ круглоличка,

Въ обѣ щечки румяничкн завсегда играютъ,
Холостому, удалому „назолу“ даваютъ.

4. Вечерка.

Когда эти пѣсни пропоютъ, всѣ женатые какъ сторонніе, такъ и гости удаляются, а остаются только парни и дѣвушки и справляютъ *вечерку* въ этотъ же вечеръ; поютъ пѣсни, *ходятъ парами, пляшутъ.*

Дѣвушка съ парнемъ ходитъ, а остальные поютъ:

I.

Болитъ, болитъ моя головушка съ великаго посту;
Проболѣла головушка до самаго мозгу.
Пойду съ горя утоплюся со калинова мосту.
Не топися, не дався, удалый молодчикъ;
Скажи, скажи, кого любишь?
Люблю Сашу, люблю Машу, Дунюшку—Дуняшу!
Куплю Сашѣ ленту алу, Манѣ голубую.
А Дуняшенькѣ милашѣ шелковый платочекъ!
Я за этотъ за платочекъ поцѣлую сто разочекъ!

(*Цѣлуются*).

II.

Въ хороводѣ были мы,
Въ хороводѣ были мы,
Были мы, были мы!
Кого надо видѣли,
Видѣли, видѣли,
Сокола молодчика,
Сокола молодчика,
Молодца, молодца!
Соколицу дѣвицу,
Соколицу дѣвицу,
Дѣвицу, дѣвицу!
Встань, дѣвица, подбодрись,
Встань, дѣвица, подбодрись,
Подбодрись, подбодрись!
Кому надо, поклонись,
Поклонись, поклонись!
Хоть немножко протанцуй,
Протанцуй, протанцуй!
Кого любишь поцѣлуй,
Поцѣлуй, поцѣлуй!

Играющіе парень и дѣвушка цѣлуютъ по своему выбору кого-либо изъ круга: дѣвушка— парня, а парень—дѣвушку.

Слѣдующая игра.

Двое берутъ въ руки палочки и стукаютъ ими, ходятъ по комнатѣ кругомъ, а всѣ поютъ:

III.

Кони, вы, кони,
Лошади казенны!
Отданы вы, кони,
Барину на службу,
Бѣднымъ на нужду:
Сѣно возити;
Сѣна—до колѣна,
Овса до щепотки,
До самой рѣшетки!

Какъ только это пропоютъ, подходятъ къ какой-нибудь дѣвушкѣ, или къ парню и спрашиваютъ:

IV.

Драгунъ дома,
Драгунъ дома,
Драгунъ дома ли живешь?

При этомъ ударяютъ парня по головѣ и, указывая на какую-либо изъ дѣвушекъ, говорятъ:

— Вотъ тебѣ невѣста, поѣдешь вѣнчаться съ ней?

Пѣсню повторяютъ и снова назначаютъ парямъ невѣсть, пока не назначатъ всѣмъ. Послѣ этого берутъ скамейку ставятъ среди пола, а ходившіе встаютъ на скамью такъ: парень на одинъ конецъ скамейки, а дѣвушка—на другой. Къ нимъ подходитъ первая пара и говоритъ:

— Далеко ли поѣхали?

— Вѣнчаться.

— Кого ты берешь?

Стоящій на скамейкѣ называетъ имя и отчество парня изъ подошедшей пары. Затѣмъ, спрашиваютъ дѣвушку:

— Ты за кого идешь?

Та называетъ имя и отчество парня, который съ ней въ парѣ.

Далѣе, тотъ парень, который на скамьѣ, спрашиваетъ:

—По желанію-ли берешь? Не обѣщался-ли другую взять?

Ему отвѣчаютъ, что здѣсь все дѣлается по желанію и другую онъ не обѣщался брать.

Потомъ спрашиваютъ дѣвушку:

— По желанію-ли идешь?—Не обѣщалась ли за другого идти?

— Нѣтъ.

Послѣ этого опроса подошедшая пара прыгаетъ три раза черезъ скамью. Это значитъ, что они повѣнчались;

потомъ цѣлуются и цѣлуютъ тѣхъ , которые стоятъ на скамьѣ.

Такъ же поступаютъ и слѣдующія пары.

Далѣе поютъ:

V.

Я хожу млада по горницѣ,
По столовой новой свѣтлицѣ.
Я дойду, дойду до умнаго,
Я дойду, дойду-ли до разумнаго,
До удала добра молодца.
Я дойду ли до умной,
Я дойду ли до разумной,
До души до красной дѣвицы.
Ты пожалуй-ка, умный мой,
Ты пожалуй-ка, разумный мой,
Со правой руки колечушко,
Со любимаго мизинчику.

Во время этой пѣсни всѣ ходятъ парами и самую пѣсню поютъ для каждой пары отдѣльно. Та пара, которая ходитъ, мѣняется съ другими кольцомъ или чѣмъ другимъ. Когда всѣ перемѣняются, то начинаютъ дѣвушки подводить дѣвушку къ парню и пѣть:

VI.

Не даютъ дары безъ выкупа,
Безъ удала-добра молодца (*имя*);
Не даютъ дары безъ выкупа,
Безъ души безъ красной дѣвицы. (*имя*).

Та дѣвушка, которую подвели, встаетъ на одно колѣно и цѣлуетъ парня. Тѣ же, которые подвели дѣвушку, только цѣлуютъ парня, къ которому подвели дѣвушку. Такъ продолжаютъ игру до тѣхъ поръ, пока переводятъ всѣхъ дѣвушекъ. Поютъ много и другихъ пѣсенъ *вечерочныхъ*.

5. *Проводы жениха съ вечерки.*

Когда вечерка кончится, то провожаютъ жениха до квартиры съ пѣснями, но ужъ съ такими, какія придутъ въ голову.

I.

Я вечеръ своево милого—милого
Провожала за лѣсокъ,
Провожала—увѣряла,
Увѣряла злодѣюшкой ругала:
Ты, разсукинъ сынъ, мальчишка,
Что ты сдѣлалъ надо мной.

Ты разсыпалъ жаръ по сердцу, да сердцу
Знать, по бѣлому лицу.
Мое личико сгорѣло, все сгорѣло,
Рюмянички съ лица спллли.
Я умоюся водою, водой холодною,
Утрусь шалевымъ платочкомъ,
А не тѣмъ платкомъ утруся:
Платокъ миленькій купилъ;
Подарилъ милый подарокъ,
Подарилъ мнѣ дорогой—
Съ руки перстень золотой;
Не хочу перстня носить,
Хочу такъ дружка любить!

II.

Аленькій цвѣточекъ,
Зачѣмъ скоро сповялъ;
Мой миленькій хорошій
Зачѣмъ рано отсталъ?
Не разъ я говорила,
Не два, голубчикъ мой:
Спокинь свою досаду,
Побудь, хоть часъ, со мной.
А ты, какъ вѣтеръ въ полѣ,
Одно свое твердишь.
Съ моей несчастной долей
Смѣешься и грозишь.

III.

Хороша наша деревня,
Только улица грязна.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Хороши наши ребята,
Только славушка худа.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Вотъ худа, худа, худа,
Не годится никуда!
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Мы не воры, не плуты,
Не разбойнички!
Это правда, это правда,
Это правда все была!

Мы ночные, мы ночные,
Рыболовнички!
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Ужъ мы рыбушку ловили
Не по днямъ, а по часамъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Не по днямъ, не по часамъ—
По сухимъ по берегамъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
По амбарамъ, по клѣтямъ,
По дубовымъ сундукамъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Какъ у дядюшки Петра,
Мы поймали осетра,
Сивогривую кобылу,
Вороного жеребца.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Мы поймали сорокъ штукъ,
Изъ которыхъ шубу шьютъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
А у тетушки Арины.
Въ сундукахъ все перерыли.
Это правда, это правда,
Это правда все была!

IV.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,
По канавкѣ, по канавкѣ росла травка.
Росла травка, росла травка,
Росла травка шелковая,
Шелковая, зеленая, муравая.
Я не въ три косы косила, въ одну косу,
Въ одну косу на три круга,
На три круга, на три круга ради друга,
Ради друга, ради гостя, гостя дорогого
Своего милого!

Эту пѣсню поютъ послѣдней передъ тѣмъ, какъ войти въ домъ. Всѣ входятъ въ домъ, прощаются; невѣста и дѣвушки уходятъ, а женихъ остается.

6. Приглашенный столъ.

Утромъ ѣдутъ къ невѣстѣ опохмѣляться тѣ изъ гостей, которые были на смотринахъ. Сваха жениха приходитъ со своимъ виномъ и угощаетъ гостей, сама поетъ пѣсню.

I.

Невѣстушка, встань.
Голубушка, встань!
Невѣстка встаетъ.
Попыхиваетъ, повздыхиваетъ:
Чортова семья несогласная
Все рано встаетъ,
Мнѣ спать не даетъ!

А гости поютъ:

II.

Не шатайся, не валяйся,
Во полюшкѣ травка.
Охъ, да не тоскуй-ка, не горюй-ка
По молодцу, красна дѣвица.
Не одной то мнѣ, красной дѣвушкѣ,
Горе достается.
Доставалось мнѣ горюшко-кручина
Съ удалымъ молодцомъ, съ молодымъ гусаромъ.
Что во городѣ было Парижѣ,
Гусары стояли,
То не множко то они,—не маленько,—
Ровно тридцать три годочка
И четыре денечка.
Что на пятый то денечекъ
Гусарикъ стосковался,
Стосковался онъ и сгоревался
Не по батюшкѣ онъ,
Не по матушкѣ—
По своей сударушкѣ,
По своей дальной сторонушкѣ.
Со своей-то дальной сторонушки
Долго вѣсти все нѣту!

III.

Ты гуляй-ка, моя дочь,
Во всю темну ночь.
Я не буду унимать,
Сама буду потакать.
Я сама така была,
Въ дѣвушкахъ гуляла.
Себѣ дружка нажила,

Себѣ дружка нажила—
Иванушка сокола!
Иванушка, соколъ мой,
Поглянулся разумъ твой
Весь обычай дорогой,
Весь обычай дорогой.
За Самаромъ за рѣкой,
За Самаромъ за рѣкой
Иванъ сѣно коситъ,
Иванушка сѣно коситъ,
Оринушка воду носитъ.
Иванушка припотѣлъ,
Испить воду захотѣлъ.
Оринушка удала,
Испить Ванѣ подала.
Испить Ванѣ подала,
Разговоры завела,
Разговоры завела,
Разговаривала.

Поютъ нѣсколько разъ слѣдующую пѣсню:

IV.

Баба пьяна напилась,
Во солдаты наялась,
Не берутъ ее въ солдаты,
У ней волосы косматы.

(Окончаніе будетъ).

М. Овчинниковъ.

ЗАМѢТКИ.

Къ положенію въ Сибири поляковъ. ссыльныхъ повстанцевъ 1863 года. Секретно Отцу Благочинному священнику (имя рекъ).

Получено мною свѣдѣніе, якобы нѣкоторые священники дозволяютъ себѣ приглашать политическихъ преступниковъ въ свои дома, для обученія дѣтей своихъ.

Предписываю:

Первое. Духовнымъ лицамъ немедленно прекратить приглашеніе преступниковъ въ свои дома для обученія дѣтей.

Второе: Меня извѣстить: кто именно изъ духовныхъ пригласилъ преступника къ обученію дѣтей своихъ?

Третье: Неизвѣстно-ли священнику прихода, что въ его приходѣ преступники обучаютъ дѣтей ихъ прихожанъ.

Если бы сіе гдѣ было: то пастырски и въ духѣ кротости посовѣтовать сіе опасное порученіе прекратить, и объ успѣхѣ внушенія своего меня извѣстить. Февраля. 25 дня

1865 года № 10. На подлинномъ подписано: Никодимъ, Епископъ Енисейскій.

Сообщилъ *А. Савельевъ.*

О предосудительныхъ противозаконныхъ и непристойныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ разныя времена въ церквахъ во время служенія и внѣ онаго духовными лицами и какому они за сіе подвергнуты гражданскимъ судомъ наказанію.

1. Кіевской Епархіи.
2. Тобольской Епархіи.

Семипалатинскаго вѣдомства, Усть-Каменогорской крѣпости священникъ Семіонъ Пушкаревъ во время вѣнчанія 8 генваря 1817 года товарищемъ его священникомъ Николаемъ Пушкаревымъ брака, по приходѣ въ церковь, взялъ съ надлежащаго мѣста налой со святымъ Евангеліемъ и крестомъ, срывалъ со священника Николая ризы. То помѣшательство въ совершеніи брака, за каковые поступки, по рѣшенію Бійскаго Уѣзднаго Суда, оштрафованъ онъ, Пушкаревъ, взысканіемъ въ пользу Приказа общественнаго Призрѣнія 25-ти рублей.

3. Ярославской Епархіи.
4. Тверской „ „
5. Черниговской „ „
6. Нижегородской „ „
7. Владимирской „ „
8. Вологодской „ „
9. Тульской „ „
10. Вятской „ „
11. Иркутской Епархіи.

Верхнеудинскаго уѣзда, Селенгинской Покровской церкви священникъ Іоаннъ Преловскій 5-го февраля 1819 года во время вѣнчанія священникомъ Шайдуровымъ брака, пришедъ въ церковь въ пьяномъ видѣ, усильно взялъ лежащій на налоѣ подлѣ Евангелія крестъ, называлъ священника Шайдурова воромъ и сводникомъ и ударилъ брата своего экономаря Дмитрія Преловскаго и отставного цейхдинера, — перваго въ зубы, а послѣдняго въ лицо. За каковые поступки онъ, Преловскій, по рѣшенію Иркутской Палаты Уголовнаго Суда, утвержденному сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ, лишенъ священства и отосланъ въ гражданское вѣдомство для записки его въ нижній классъ городскихъ жителей или по способности къ опредѣленію въ число канцелярскихъ служителей.

12. Пензенской Епархіи.

Оглашается между всѣмъ духовенствомъ въ страхъ и опасеніе отъ подобныхъ преступленій.

Печатанъ въ Санктпетербургской Синодальной Типографіи. 1820 года.

Сообщилъ *А. Савельевъ.*

* * *

Японцы въ Сибири въ XVIII столѣтіи. Въ токійскомъ правительственномъ архивѣ имѣются свѣдѣнія о четырехъ случаяхъ пребыванія японцевъ въ Сибири въ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ, что впервые японцы попадаютъ въ Сибирь въ 1753 году, когда 16 японскихъ моряковъ, подъ начальствомъ Такеучи Токубей, были занесены бурей къ берегамъ Камчатки.

Изъ Камчатки морякамъ удалось добраться до Иркутска; не имѣя средствъ на возвращеніе обратно въ Японію, всѣ они прожили въ Иркутскѣ до самой смерти.

Второй разъ. 17 японскихъ моряковъ, подъ начальствомъ капитана Кидого, въ 1781 году пробрались изъ Камчатки черезъ Охотскъ, Якутскъ и Иркутскъ въ Петербургъ, гдѣ были милостиво приняты Императрицей Екатериной II.

Изъ Петербурга японцы, по повелѣнію Императрицы, въ сопровожденіи назначеннаго для этой цѣли Адама Ракемана черезъ Сибирь вернулись въ портъ Немуро на островѣ Хокайдо (Іезо) въ Японію, проблуждавъ на чужбинѣ цѣлыхъ 12 лѣтъ.

Третій случай—команда паруснаго судна „Вакамія Мару", подъ командой капитана Цурого, была занесена бурей, въ ноябрѣ 1793 года, на одинъ изъ острововъ въ Беринговомъ морѣ.

Съ большими приключеніями эти японцы добрались до Якутска, оттуда ихъ доставили въ Иркутскъ, гдѣ они и прожили 8 лѣтъ.

Между прочимъ, одинъ изъ японцевъ велъ дневникъ, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ Иркутскѣ во время его пребыванія было до 3000 домовъ.

Изъ Иркутска въ маѣ 1803 г. по повелѣнію Имп. Александра I японцы были привезены сначала въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ японцевъ доставили во дворецъ, гдѣ ихъ милостиво удостоили разспросами Императоръ и Императрица.

Проживъ довольно долго въ Петербургѣ. одна часть японцевъ вернулась обратно въ Японію на средства, отпущенныя Самимъ Государемъ, другая навсегда эсталась въ Петербургѣ.

Наконецъ, въ 1812 году, моряки, подъ командой капитана Кизаемана, прожили четыре года въ Сибири, бродя между поселеніями на Камчаткѣ и Охотскомъ.

Въ 1816 году эти японцы возвратились на островъ Эторовъ въ группѣ Курильскихъ острововъ, принадлежавшій тогда Японіи.

Интересно отмѣтить, что по возвращеніи изъ Россіи японцевъ, японское правительство заставляло ихъ писать подробные отчеты о томъ, что они видѣли въ Россіи, какъ съ ними обращались на чужбинѣ.

Самый подробный отчетъ о своемъ пребываніи въ Россіи дала группа японцевъ, ненавшая въ Россію подъ командой капитана Цудого.

Объ Иркутскѣ въ этомъ отчетѣ болѣе 10 страницъ.

Много въ отчетѣ отведено мѣста также описанію тогдашней придворной жизни въ Петербургѣ и впечатлѣніямъ японцевъ, вынесеннымъ отъ аудіенціи у Императора Александра I.

Петръ Че —нъ.

* *
*

Изъ бурятскихъ народныхъ сказаній. *1. Преданіе о происхожденіи семи черноруцкихъ бурятскихъ родовъ.*

Около того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возникъ г. Иркутскъ, жила вдова бурятка, у которой было два сына: Хындылгыръ и новорожденный, названный впослѣдствіи Чоно. Будучи очень бѣдной и не имѣя возможности прокормить двоихъ дѣтей, она новорожденнаго отнесла въ лѣсъ и положила въ волчью нору къ волчатамъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Старшій сынъ бурятки, охотясь въ лѣсу, встрѣтилъ въ волчьей стаѣ мальчика, который убѣжалъ вмѣстѣ съ волками. Хындылгыръ разсказалъ объ этой встрѣчѣ своей матери, которая открылась ему, разсказавъ, что встрѣченный имъ мальчикъ его братъ, котораго она младенцемъ отнесла въ лѣсъ въ волчью нору и котораго волчица выкормила съ волчатами и просила какъ-нибудь его поймать. Хындылгыръ нѣсколько разъ ѣздилъ въ лѣсъ и, наконецъ, поймалъ брата, привезъ его домой и назвалъ его Чоно, т. е. волкъ. Когда Чоно выросъ, то отдѣлился отъ брата и переселился на Лену. Отъ его семи сыновей произошли семь черноруцкихъ р..

довъ, правильнѣе чонорудскихъ. Въ Анинскомъ вѣдомствѣ находятся 2, 4 и 5 роды.

2. Преданіе о гибели мамонта. Въ старину на землѣ жилъ огромный звѣрь мамонтъ. Онъ былъ до того великъ и тяжелъ, что когда шелъ, то оставлялъ въ землѣ большія углубленія. По тѣмъ тропамъ, гдѣ онъ обыкновенно ходилъ, теперь текутъ рѣки Лена и Киренга. Во время потопа, когда вся земля была покрыта водой, мамонтъ ходилъ въ водѣ, которая покрывала его тѣло, надъ водой возвышалась лишь одна голова. Всѣ деревья до вершинъ были въ водѣ и птицамъ негдѣ было отдохнуть и онѣ для отдыха садились ему на голову. Онъ махалъ головой и тѣмъ ихъ сгонялъ, но онѣ, полетавъ, опять садились ему на голову и ему приходилось безпрестанно махать головой, чтобы избавиться отъ нихъ и въ концѣ концовъ онъ до того измучился, что погрузился въ воду и утонулъ. Съ тѣхъ поръ на землѣ не стало мамонта.

3. Отчего бываетъ гроза. Ухудылу иногда приходитъ фантазія подразнить Бурхана и онъ начинаетъ передъ нимъ кривляться, высовывать языкъ, кажетъ кукишки. Разгнѣванный богъ начинаетъ гоняться за нимъ и метать въ него огненныя стрѣлы—отъ этого и бываютъ молніи и громъ. Чтобы скрыться отъ разгнѣваннаго брата, ухудылъ прячется куда попало: въ юрту, въ человѣка, въ скотину и тогда огненная стрѣла поражаетъ тотъ предметъ, куда онъ спрятался: Въ юртѣ, разбитой грозой, буряты уже не живутъ и оставляютъ ее гнить; ее нельзя ни продать, ни на дрова испилить.

Кто изобрѣлъ мельницу. Въ старину люди не знали, какъ молоть хлѣбъ и ѣли его зернами. Чутхуръ (чертъ) построилъ мельницу и на ней мололъ землю. Бурханъ видѣлъ, что изобрѣтеніе чутхура полезно для людей и просилъ его отдать мельницу, но зловредный духъ не соглашался. Тогда Бурханъ сдѣлалъ хуръ (музыкальный инструментъ) и сталъ на немъ играть. У чутхура явилось сильное желаніе поиграть на хурѣ, но Бурханъ ему хура не далъ, а предложилъ смѣнять его на мельницу, чутхуръ согласился.—получилъ хуръ и отдалъ въ обмѣнъ мельницу, которую Бурханъ передалъ людямъ и научилъ молоть на ней хлѣбъ.

Ив. Любимовъ.

* * *

Новый изслѣдователь Центральной Азіи. Въ началѣ іюня мѣсяца сего года по желѣзной дорогѣ черезъ городъ Иркутскъ во Владивостокъ, а оттуда на пароходѣ въ Яно-

нію, прослѣдовалъ новый изслѣдователь Центральной Азіи буддійскій бонза Тачибана Зуйціо.

Пять лѣтъ тому назадъ, въ августѣ 1908 года, буддійское духовенство предложило Тачибана Зуйціо по намѣченному имъ маршруту отправиться въ Центральную Азію и сбслѣдовать тѣ мѣстности, которыя до сего времени не посѣщались изслѣдователями и представляютъ terram incognitam.

Деньги на экспедицію отпускались богатымъ японскимъ буддійскимъ монастыремъ Хонга-Хонгандзи.

Т. Зуйціо охотно принялъ предложеніе буддійскаго духовенства и выѣхалъ изъ Японіи.

Добравшись до Омска и захвативъ здѣсь все необходимое для своихъ долгихъ странствованій, Т. Зуйціо переходитъ русскую границу и попадаетъ въ китайскія владѣнія.

Въ китайскомъ костюмѣ Т. Зуйціо свободно переваливаетъ черезъ Тянь-Шаньскій хребетъ и проникаетъ въ Восточный Туркестанъ, гдѣ занимается изслѣдованіемъ исчезнувшихъ китайскихъ городовъ.

Здѣсь же онъ производитъ многочисленныя раскопки и находитъ въ землѣ массу цѣнной старинной китайской утвари и разныхъ памятниковъ старины.

Здѣсь же Тачибана Зуйціо изслѣдуетъ устья многихъ рѣкъ, теряющихся въ пескахъ.

Странствованіе по Восточному Туркестану было не изъ легкихъ: отважный изслѣдователь потерялъ здѣсь почти всѣхъ своихъ верблюдовъ, перенесъ немалыя лишенія и страданія, питаясь испорченной провизіей и утоляя свою жажду гнилой болотной водой.

Изъ Восточнаго Туркестана Т. З. попадаетъ въ китайскую провинцію Или, пограничную съ нашими Средне-Азіатскими владѣніями.

Окончивъ изслѣдованія этой провинціи, путешественникъ возвращается обратно въ В. Туркестанъ, перерѣзываетъ его съ запада на востокъ и съ опасностью для своей жизни безстрашно проходитъ великую пустыню Гоби или Шамо и достигаетъ восточныхъ отроговъ Куэнь-Луньскаго хребта.

Здѣсь свои изслѣдованія Тачибана Зуйціо производитъ вплоть до Великой Китайской стѣны.

Обратный путь Т. З. совершаетъ по Куэнь-Луньскому хребту, слѣдуя съ востока на западъ.

На обратномъ пути изслѣдователь снова заглядываетъ въ Восточный Туркестанъ, откуда спускается внизъ по теченію

рѣки Иртыша въ русскія владѣнія и въ концѣ-концовъ попадаетъ въ пунктъ своего отправленія въ г. Омскъ.

Подвергая себя всевозможнымъ лишеніямъ и опасностямъ, храбрый, еще молодой (ему теперь 26 лѣтъ), буддійскій бонза смогъ добиться своего: изслѣдовать тѣ самыя мѣста Центральной Азіи, которыя до сихъ поръ остаются на картахъ бѣлыми и въ которыя не мечтали попасть даже такіе всемірно извѣстные изслѣдователи Азіи, какъ Свенъ Гединъ.

За свое пятилѣтнее странствованіе Т. З. смогъ собрать многочисленные матеріалы по географіи и этнографіи края и по исторіи буддизма. Кромѣ того, ему удалось сдѣлать до 200 интересныхъ фотографическихъ снимковъ и вывезти изъ изслѣдованныхъ имъ странъ много найденныхъ при раскопкхъ „мертвыхъ городовъ“ памятниковъ старины.

Во время всего своего пути Т. З. велъ дневникъ.

Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ японскихъ газетъ, Т. З. живетъ въ г. Осака, гдѣ приводитъ въ порядокъ собранныя имъ во время путешествій матеріалы, которые въ самомъ недалекомъ будущемъ будутъ опубликованы въ японской прессѣ.

Петръ Чечинъ.

Открыта подписка на 1912 г.

(годъ изданія I)

НА БОЛЬШУЮ ПРОГРЕССИВНУЮ

ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЯ ВѢСТИ“

выходящую въ Иркутскѣ ежедневно кромѣ понедѣльниковъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. Ангарскій (В. В. Леоновичъ), Т. Бѣлоусовъ, Ст. Байкаловъ, Бѣлинъ, І. М. Б—чъ, В. В. Водовозовъ, М. До—овъ, Ѳ. Донецкій, Исаакъ Г., Дм. Ильинскій, Евгеній Колосовъ, Николай Катинъ, С. Крайскій, Ѳ. Лебедевъ, Марк Овичъ, В. Простый, Скальдъ, А. Худадовъ, І. Цинговатовъ, Владиміръ Черновъ, Л. Ц. и многіе другіе.

Газета будетъ удѣлять особое вниманіе областному отдѣлу, вопросамъ землеустройства, переселенія и земскаго и городского самоуправленія.

Газета имѣетъ своихъ корреспондентовъ по Сибири, Европейской Россіи и за границей.

Подписная цѣна:

На 1 годъ	7 р. — к.
„ ½ „	3 р. 50 к.
„ 3 мѣс.	2 р. — к.
„ 1 „	1 р. — к.

За границу 1 годъ 12 руб. 3 мѣсяца 5 руб.
½ года 7 руб. 1 мѣсяцъ 2 руб.

Адресъ редакціи и конторы:

Иркутскъ, уголъ 3-й Солдатской и Большой ул., д. № 20, Подловскаго, писчебумажный магазинъ и тип. Т-ва „М. П. Окуневъ и К°“.

Издательница К. П. Окунева.

Редактеръ П. А. Чепаловъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежемѣсячный журналъ

„Сибирскій Архивъ“.

Журналъ посвященъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Сибири.

Подписная цѣна: на годъ 5 рублей, на полгода 3 р. на 3 мѣсяца 1 р. 50 к. Отдѣльная книжка 50 к. Городская подписка принимается въ магаз. М. П. Окунева на Большой у.; тамъ же розничная продажа № № и въ книжномъ магазинѣ Макушина.

Иногородняя подписка направляется по адресу: г. Иркутскъ. Преподавателю Учительскаго Института А. Линькову.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно съ ноября 1911 г.

Телефонъ Редактора № 1028.

№ 12-ый выйдетъ 20 ноября с. г.

Редакторъ-издатель А. Линьковъ.